

КНИГА ГОДА В ШВЕЦИИ

СЕРЕБРЯНАЯ
ДОРОГА

*«Впечатляющий дебют! История,
поглощающая с головой»*

THE OBSERVER

СТИНА ДЖЕКСОН

Стина Джексон
Серебряная дорога

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

Джексон С.

Серебряная дорога / С. Джексон — «РИПОЛ Классик», 2018

ISBN 978-5-386-13588-1

Три года назад его дочь Лина пропала. Три года он скитается по Серебряной дороге, надеясь найти если не дочь, то хотя бы утешение. Лелле устал от затянувшихся поисков, но он уже не в силах остановиться. Воспоминания, чувство вины и дорога гонят его вперед. Мея – ровесница пропавшей Лины, она пока не знает Лелле. Но совсем скоро их судьбы странным образом пересекутся. На той самой северной магистрали, которая петляет среди поросших лесом гор, объединяя всю Швецию, на Серебряной дороге...

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

ISBN 978-5-386-13588-1

© Джексон С., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Стина Джексон

Серебряная дорога

© Stina Jackson 2018

© Петров И.Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2020

Часть первая

Свет. Он колол глаза, обжигал кожу, все время теребил, призывая не сдаваться, продолжать дышать. Свет обещал, что новая жизнь уже близка, подождать осталось всего-ничего. Свет наполнял его тело энергией, вырывал из объятий сна.

В мае он обычно просыпался на рассвете, когда первые лучи солнца пробиваются между волокнами занавесок, в узкую щель между ними, а потом лежал и слушал, как весна постепенно вступает в свои права, как освобождает ручьи и реки из ледяного плена, срывая с гор надоевшее зимнее покрывало.

Уже совсем скоро свет отвоюет себе и ночное время, разбудит все то, что дремало под прошлогодней гнилой листвой, согреет почки на деревьях, вынудит их выпустить на свободу новые листочки, позволив лесу одеться в яркий зеленый наряд.

Примерно так же белые ночи действовали на всех людей, выгоняли их из нор, наполняли сердца страстью. Люди смеялись и любили, однако порой опускались до насилия. Иногда люди пропадали, возможно ослепленные собственными эмоциями, – исчезали неизвестно куда. Но он не хотел верить, что они умирали.

Он курил только тогда, когда искал ее.

Закуривая каждую новую сигарету, он видел дочь на пассажирском сиденье. Она гримасничала и таращилась на него поверх очков.

– *Я думала, ты бросил.*

– Так и есть, но это исключительный случай.

Казалось, в те светлые ночи, когда он совершал свои поездки, она всегда там сидела. Он видел, как она качает головой и обнажает заостренные клыки, которых так стыдилась. Он видел ее волосы, почти что белые, стоило им оказаться в лучах солнца, видел коричневые пятна веснушек над переносицей, которые в последние годы она начала прятать с помощью косметики, видел ее все замечавшие глаза, пусть бы она и смотрела совсем в другую сторону.

Внешне она мало походила на него – больше на Анетт, и слава богу, он ведь не отличался особой красотой. Но дочь выросла красавицей, и он так считал вовсе не потому, что был ее отцом. Прохожие всегда оглядывались вслед Лине, даже когда она была очень маленькой. Она относилась к детям, вызывающим улыбку даже у безнадежных пессимистов. Но сейчас никто на нее не смотрел. Никто не видел ее уже в течение трех лет, в любом случае, из тех, кто захотел бы сообщить: «Да, это та самая девушка».

Сигареты закончились еще до Йерна. Лина не сидела больше на соседнем сиденье. В машине было пусто и тихо, и он почти забыл, где находится. Смотрел вперед, но ничто вокруг его не интересовало. По государственной автостраде, называемой в народе «Серебряная дорога», он ездил так часто, что знал ее вдоль и поперек. Знал каждый поворот, знал, где находятся дыры в ограждении, позволяющие оленям и лосям пересекать дорогу, когда понадобится. Знал, где после дождя образуются лужи и где туман, поднимаясь от лесных озер, искажает пейзаж. Когда-то давно по этой дороге доставляли серебро из рудника Насафельд к Ботническому заливу; сейчас же, змеясь между гор как река, дорога связывала Глиммерстрекс с другими внутренними районами страны.

Эта чертова дорога со всеми ее изгибами, со стеной непроходимого леса по сторонам надоела ему уже до тошноты, но он все равно не собирался сдаваться. Ведь здесь исчезла его дочь: именно эта Серебряная дорога поглотила ее.

Никто не знал, что он ездит по ночам искать Лину и, куря сигарету за сигаретой, обнимает пассажирское сиденье. Разговаривает с ней, как будто она на самом деле сидит там, словно и не исчезала. Он никому не рассказывал об этом. Во всяком случае, с тех пор, как Анетт оставила

его. Она с самого начала считала, что это он виноват. Он ведь подвозил Лину к автобусной остановке в то утро. А значит, вся ответственность лежит на нем.

Он добрался до Шеллефтео около трех и остановился на автозаправке залить бак бензином, а термос – кофе. Несмотря на ранний час, сидевший за прилавком парень выглядел бодрым и пребывал в игривом настроении. Рыжий, с зачесанными набок волосами, он выглядел лет на девятнадцать-двадцать. Столько было бы Лине сейчас. Хотя ему было непросто представить дочь такой взрослой.

Несмотря на угрызения совести, он купил пачку «Мальборо Лайт», а когда собрался расплатиться, его взгляд упал на стоявшую у кассы бутылочку с жидкостью от комаров. От неожиданности он никак не мог вспомнить, куда сунул карточку, – просто опять подумал о Лине. В последнее утро от нее воняло такой же гадостью. Ему даже пришлось опустить стекло и проветрить салон, после того как высадил дочь у автобуса, и в результате это врезалось в память. И на этом все. Он не помнил, о чем они разговаривали тогда, была ли она веселой или грустной, не помнил, что они ели на завтрак. Воспоминания затушевала обрушившаяся на них беда. В тот вечер он сказал полиции, что от Лины воняло средством от комаров, а Анетт посмотрела на него так, словно видела впервые, словно стыдилась его, и вот это он тоже запомнил.

Он открыл новую пачку, сунул сигарету в рот, но закурил ее, только когда снова оказался на автостраде, взяв курс на север. Дорога домой всегда казалась короче и не так утомляла. Серебряное сердечко Лины висело на цепочке на заднем стекле, блестело в лучах солнца. Она снова сидела рядом с ним на сиденье, светлые волосы свешивались на лицо.

– Папа, ты знаешь, что выкурил двадцать одну сигарету всего за несколько часов? – спросила она.

Лелле стряхнул пепел в окно, выпустил дым в сторону от дочки.

– Неужели так много?

Лина вознесла глаза к крыше машины, словно призывая в свидетели высшие силы.

– Тебе известно, что каждая сигарета забирает десять минут твоей жизни? То есть сегодня ты сократил ее на двести десять минут.

– Ого, – сказал Лелле. – Но для чего мне, собственно, жить?

– Ты должен найти меня. Никому другому не удастся этого сделать, – ответила она, с укоризной смотря на него.

* * *

Мея лежала, сложив руки на животе, и старалась не слушать нарушавшие тишину звуки. Урчание голодного желудка под собственными пальцами, да и все другие звуки тоже. Самые неприятные проникали сквозь тонкие доски пола: пыхтение Силье и ее нового мужчины, скрип кровати, и потом еще начала лаять собака. Она слышала, как мужчина приказал псу заткнуться.

Была середина ночи, но солнце освещало каждый уголок в маленькой комнате на чердаке, заливало ее таким ярким светом, что, казалось, стены горели огнем. Мея не могла заснуть. Она села на колени перед низким окошком и сняла с него паутину рукой. Снаружи виднелись только голубое небо и лес, насколько хватало глаз. Да еще кусочек озера внизу, если вытянуть шею; черное и спокойное, оно неудержимо манило. Мея чувствовала себя похищенной принцессой из сказки, заточенной в башне, которую окружала непроходимая чаща, принцессой, обреченной до конца жизни слушать, как ее злая мачеха предастся сексуальным утехам этажом ниже. Хотя Силье была ей не мачехой, а мамой.

Они не бывали в Норрланде раньше. С каждым часом, проведенным в поезде, обеих все больше одолевали сомнения, они ругались, и плакали, и подолгу сидели молча, в то время

как снаружи проплывал лес, а расстояния между станциями становились все длиннее. Силье поклялась, что они переезжают в последний раз. Мужчину, пленившего ее теперь, звали Торбьёрн, и он владел маленькой усадьбой в деревне под названием Глиммерстреск. Они познакомились в Сети и разговаривали много часов по телефону. Поначалу Мея слышала, как он отвечал односложно, в обычной норрландской манере, и ей представлялся усатый дядька с толстой шеей и узкими, как щелочки, глазами, когда он улыбался. Она видела фотографии. На одной он держал в руках баян, а на другой сидел, наклонившись, на льдине и выуживал рыбу с красноватой чешуей. Торбьёрн был настоящим мужчиной, если верить Силье, мужчиной, знавшим, как выживают в самых тяжелых условиях, и способным позаботиться о них.

Стоявшая среди сосен железнодорожная станция, где они в конце концов вышли из поезда, была совсем крохотной. Здание размерами не превышало скромную избушку, а когда они попробовали открыть дверь, оказалось, что та заперта. Никого больше не было, и они стояли, растерянные, на ветру, пока поезд уносился прочь, исчезая между деревьями. Земля еще долго вибрировала под их ногами. Силье закурила сигарету и потащила дорожную сумку через обшарпанную платформу, тогда как Мея еще какое-то время слушала шелест деревьев и жужжание миллионов новорожденных комаров. Она чувствовала, что вот-вот завоет, и не хотела следовать за Силье, но побоялась остаться одна. По другую сторону железнодорожного полотна темно-зеленым занавесом поднимался лес на фоне голубого неба, и тысячи теней двигались между его ветвями. Она не видела никаких животных, но ощущение, что за ней наблюдают, было столь же сильным, как если бы она торчала где-нибудь посередине площади. Сотни пар глаз своими взглядами обжигали ей кожу.

Силье тем временем уже успела спуститься на парковку с растрескавшимся асфальтом, где увидела ржавый «форд». Мужчина в надвинутой на лоб черной кепке стоял, прислонившись спиной к капоту. Он выпрямился, увидев их, и улыбнулся, обнажив коричневатые от жевательного табака зубы. В реальности он выглядел шире в плечах и крупнее, чем на фотографиях, и двигался немного неловко, отчего производил впечатление безобидного человека, по-настоящему не осознающего свои истинные размеры. Силье опустила сумку и обняла его, словно он был спасательным кругом в окружавшем их лесном море, а Мея, пристроившись сбоку, смотрела на трещину в асфальте, из которой торчала пара одуванчиков. Она слышала звуки поцелуев, их прерывистое дыхание.

– Это моя дочь Мея.

Силье вытерла рот и показала рукой в ее сторону. Торбьёрн посмотрел на нее из-под козырька кепки и поприветствовал в своей односложной манере. Сама она по-прежнему не отрывала взгляд от земли, как бы подчеркивая, что все произошло против ее воли.

В его машине воняло мокрой собачьей шерстью, заднее сиденье было покрыто шершавой серой шкурой какого-то животного. На спинках сидений желтая набивка кое-где торчала наружу. Мея села на самый край и дышала через рот. По рассказам Силье, Торбьёрн особо не нуждался в деньгах, но, судя по автомобилю, мама, пожалуй, выдала желаемое за действительное. На всем пути до его усадьбы они не увидели ничего, кроме мрачного елового леса, чередовавшегося с вырубками, и отдельных крошечных озер, подобно слезам блестевших между деревьями.

К тому времени, когда они доехали да Глиммерстреска, Мею уже начало подташнивать. На переднем сиденье Торбьёрн давно положил Силье руку на бедро и поднимал ее только время от времени, показывая то, что сам считал важным: торговый центр, школу, пиццерию, почту и банк. Он явно гордился всем этим. Сами жилые дома были большими и встречались редко. Чем дальше они ехали, тем больше становилось расстояние между усадьбами. В промежутках мелькали перелески, поля и пастбища. То тут, то там слышался собачий лай. На переднем сиденье щеки Силье стали уже почти красными.

– Смотри какая красота, Мея. Прямо как в сказке.

Торбьёрн сказал, что сейчас ей надо взять себя в руки, поскольку он живет с другой стороны болота. Мея поинтересовалась, что это означает. Впереди дорога постепенно сужалась, в то время как лес подступал все ближе, и в автомобиле воцарилась гнетущая тишина. Мея почувствовала, как у нее начались трудности с дыханием, когда она смотрела на высоченные сосны, мелькавшие по бокам.

Дом Торбьёрна торчал в гордом одиночестве на огромной поляне. Двухэтажный, он когда-то, пожалуй, выглядел респектабельно, но сейчас красная фалунская краска на стенах прилично выгорела и облезла, и дом уже довольно глубоко сидел в земле. Сердито рычавшая собака натянула цепь. В остальном вокруг было очень тихо, если не считать шума ветра в ветках елей и сосен. Мее стало немного не по себе, когда она огляделась.

– Вот мы и на месте, – констатировал Торбьёрн и развел руки в стороны.

– Как тихо и спокойно здесь, – сказала Силье, но от недавнего восторженного тона не осталось и следа.

Торбьёрн внес в дом их сумки и поставил на черный от грязи пол. Внутри воздух был затхлый, и вдобавок воняло сажей и пригоревшим маслом. На них таращилась потертая старая мягкая мебель. Стены, оклеенные коричневыми полосатыми обоями, украшали рога животных и ножи в кривых ножнах. Мея никогда не видела столько холодного оружия. Она попыталась перехватить взгляд матери, но безуспешно. Судя по улыбке, застывшей на лице, Силье была готова почти к любым испытаниям и уж точно не собиралась признавать никакой ошибки.

Стоны этажом ниже прекратились, уступив место щебетанью птиц. Никогда раньше Мея не слышала, чтобы их пение звучало так истерично и безрадостно. Ее комнатка находилась прямо под крышей, заменявшей потолок; сотни пустых дыр от сучков, подобно глазам, таращились сверху. Из-за потолка Торбьёрн назвал комнату «треугольной», когда, стоя у лестницы, показал, где она будет жить. Своя собственная комната на втором этаже – давно она не имела ничего подобного. Обычно в ее распоряжении находились только собственные руки, затыкающие уши, чтобы не слышать крики взрослых, как соединяются их тела. Не имело значения, как далеко они переезжали, – эти назойливые звуки всегда догоняли ее.

* * *

Лелле почувствовал, насколько устал, только когда внезапно съехал на обочину. Он резко затормозил, чтобы не оказаться в канаве, опустил стекло и стал бить себя по щекам, пока кожу не начало жечь. Сиденье рядом было пустым, Лина исчезла. Его ночные поездки ей бы точно не понравились. Он сунул в рот сигарету, чтобы не заснуть.

Щеки все еще пылали от пощечин, когда Лелле приехал домой в Глимерстрек. Он сбросил скорость у автобусной остановки и, припарковавшись, посмотрел скептически на украшенный каракулями и птичьим дерьмом стеклянную остановку. Было слишком рано, и первый автобус еще не проходил. Вылез из машины и направился к изрезанной надписями деревянной скамейке. Вокруг валялись обертки от конфет и комки жвачки. Лужи блестели в лучах солнца. Лелле не помнил, чтобы шел дождь. Он обошел остановку несколько раз, а потом, как всегда, остановился на том месте, где была Лина, когда он оставил ее. Прислонился плечом к грязному стеклу, точно как сделала она тогда. Немного небрежно, словно ей тем самым хотелось показать, что речь идет о самой заурядной для нее поездке. Первая настоящая летняя работа. Сажать еловый лес в Арьеплуге. Чтобы заработать прилично денег, прежде чем начнутся занятия в школе. В этом ведь не было ничего странного.

Из-за этого они и приперлись так рано – он боялся, что дочь пропустит нужный автобус и опоздает в свой первый рабочий день. Лина не жаловалась – июньское утро выдалось теплым, громко пели птицы. Она стояла одна в павильоне, и солнце отражалось в ее старых темных

очках, которые девчонка когда-то выклянчила себе, пусть они и закрывали половину лица. Пожалуй, она помахала ему рукой, возможно, даже послала воздушный поцелуй. Она обычно поступала так.

У молодого полицейского были похожие солнечные очки. Он сдвинул их на лоб, когда шагнул в прихожую, и впился взглядом в Лелле и Анетт.

– Ваша дочь не садилась в автобус утром.

– Это невозможно, – сказала Лелле. – Я же высадил ее у остановки!

Полицейский покачал головой так, что очки чуть не свалились.

– Твоей дочери не было в автобусе, мы разговаривали с водителем и пассажирами. Никто не видел ее.

Они странно смотрели на него уже тогда. Он почувствовал это. Полицейские и Анетт. Под давлением их укоризненных взглядов Лелле сразу сник, казалось, силы покинули его. Он ведь, в любом случае, видел Лину последним, сам подвез, значит, ответственность лежала на нем. Они раз за разом задавали одни и те же трудные вопросы. Хотели знать точное время. В каком настроении Лина была в то утро? Хорошо ли ей жилось дома? Ругались ли они?

В конце концов Лелле вышел из себя, схватил кухонный стул и швырнул его со всей силы в одного из стражей порядка, трусливого дьявола, который, выскочив из дома, тут же вызвал подкрепление. Они завалили его щекой на прохладный пол (до сих помнится это ощущение) и оседлали, чтобы надеть наручники. Кажется, он слышал, как плакала Анетт, когда его уводили. Но он так и не дождался поддержки с ее стороны. Ни тогда, ни сейчас. Их единственный ребенок исчез, и за неимением других она каждодневно винила в этом его.

Лелле завел мотор и поехал прочь от пустой автобусной остановки. Три года минуло с тех пор, как дочь стояла там и улыбалась ему. Целых три года, а он по-прежнему оставался последним, кто видел ее.

* * *

Мея могла бы вечно оставаться в тесной комнате под крышей, если бы не голод. Голод никогда не покидал ее, куда бы они ни переезжали. Она держалась одной рукой за живот, пытаясь заставить его замолчать, когда приоткрыла дверь. Ступеньки были настолько узкими, что ей приходилось идти на носочках, и некоторые скрипели и трещали, когда она ставила на них ногу, тем самым сводя на нет все старания двигаться неслышно. Свет на кухне не горел, там было пусто, а дверь в спальню Торбьёрна была закрыта. Собака лежала, вытянувшись на полу в прихожей, и настороженно смотрела, когда она проходила мимо. Стоило ей открыть входную дверь, псина поднялась и, ловко просочившись между ее ног, выскользнула на улицу – Мея даже не успела среагировать, – присела на задние лапы у кустов смородины, а потом стала нарезать круги по траве, уткнув нос в землю.

– Почему ты выпустила собаку?

Мея только сейчас заметила Силье, сидевшую в шезлонге у стены. Мама курила сигарету, одетая в чужую фланелевую рубашку. Волосы стояли подобно львиной гриве у нее на голове, и, судя по глазам, ночью она не спала.

– Я не хотела, пес выбежал сам.

– Это сука, – сказала Силье, – ее зовут Джолли.

– Джолли?

– Угу.

Собака среагировала на имя и вернулась на террасу. Легла на потемневший от времени деревянный пол и глазела на них, высунув язык, похожий на галстук. Силье достала пачку сигарет, и Мея увидела красные отметины у нее на шее.

– Чем ты занималась там? – спросила она.

Силье криво улыбнулась:

– Не разыгрывай из себя дурочку.

«Хоть бы она не стала вдаваться в подробности», – подумала Мея, взяла сигарету, чтобы заглушить голод, и, прищурившись, посмотрела в сторону леса. Там вроде бы что-то двигалось, и даже если нет – показалось, она решила не ходить в том направлении ни при каких условиях, а потом сделала затяжку, и неприятное ощущение вернулось снова. Она опять почувствовала себя запертой в башне в непроходимой чаще.

– Мы действительно будем жить здесь?

Силье перекинула одно колено через подлокотник так, что стали видны черные трусы, и принялась качать ногой.

– Нам надо воспользоваться этим шансом.

– Почему?

– Потому что у нас нет выбора.

Мать не смотрела на нее сейчас. Эйфория предыдущего дня прошла, блеск в глазах потускнел, но тон был решительным.

– У Торбьёрна есть деньги. У него усадьба и постоянная работа. Мы можем хорошо жить здесь без необходимости беспокоиться о том, что в следующем месяце нам снова придется платить за квартиру.

– Прозябание в лачуге... черт знает в какой глуши... у меня язык не поворачивается назвать это хорошей жизнью.

Шея Силье покрылась красными пятнами, и она положила руку поверх ключицы, как бы в попытке остановить продвижение пятен вверх.

– У меня нет другого выхода, – сказала она. – Я устала быть бедной. Мне необходим мужчина, который заботился бы о нас, а у Торбьёрна есть такое желание.

– Ты уверена в этом?

– В чем?

– Что оно у него есть?

Силье ухмыльнулась уголком рта:

– Я позабочусь, чтобы он этого хотел, не беспокойся на сей счет.

Мея каблуком раздавила недокуренную сигарету.

– Есть что-нибудь пожрать?

Силье сделала глубокую затяжку и улыбнулась:

– В этой лачуге больше еды, чем ты когда-либо видела за всю свою жизнь.

* * *

Лелле проснулся от вибрации мобильного в кармане. Он сидел в шезлонге у куста сирени, и все тело заныло, когда он поднес телефон к уху.

– Лелле, ты спишь?

– Нет, черт побери, – солгал он. – Я работаю в саду.

– Клубника уже начала созревать?

Он бросил взгляд в сторону заросших грядок с ягодами:

– Нет, но скоро начнет.

Анетт запыхтела на другом конце, словно пыталась взять себя в руки.

– Я выложила информацию у себя на странице в Фейсбуке, – сообщила она. – Относительно бдения в воскресенье.

– Бдения?

– Исполняется три года... Ты же, наверное, не забыл?

Шезлонг закрипел, когда он резко поднялся. Голова закружилась, и ему пришлось схватиться за ограду террасы, чтобы не упасть.

– Само собой, не забыл!

– Я и Томас купили свечи, а мамин швейный кружок напечатал несколько футболок. Мы решили начать у церкви и дойти вместе до автобусной остановки. Ты, пожалуй, можешь подготовиться, если захочешь, сказать несколько слов.

– Мне не надо готовиться. Все необходимое в моей голове.

Голос Анетт звучал очень устало, когда она ответила:

– Лучше, если бы смогли показать, что между нами все нормально, – промямлила она. –

Ради Лины.

Лелле помассировал виски:

– Нам надо будет держаться за руки? Тебе, мне и Томасу?

Анетт тяжело вздохнула в ответ:

– Мы увидимся в воскресенье. И, Лелле...

– Да?

– Ты же не едешь по ночам?

Он закатил глаза к небу, где солнце пряталось за прозрачной завесой облаков.

– Увидимся в воскресенье, – буркнул он и отключил телефон.

Половина двенадцатого. Он проспал четыре часа в шезлонге после ночной поездки. Даже больше, чем обычно. Затылок чесался, и, запустив пальцы, чтобы помассировать его, Лелле обнаружил под ногтями кровь, вероятно, от раздавленного комара.

Он пошел в дом, приготовил себе кофе и, сполоснув лицо над раковиной, вытер его кухонным полотенцем. И тут же как наяву услышал протесты Анетт о том, что кухонные полотенца предназначены для фарфора, но никак не для грубой мужской кожи. И что Лину должна искать полиция, а не папочка. В тот день, когда исчезла Лина, Анетт хлестала его ладонями по щекам и кричала, что это он виноват во всем: ему нужно было удостовериться, что дочь села в автобус. Она била и царапала его, пока не удалось схватить ее за руки и прижать к себе изо всех сил. Потом она вся обмякла в его объятиях. Тогда они последний раз прикасались друг к другу.

Анетт искала помощи на стороне, пыталась получить ее от друзей, психологов и репортеров. У профессионального мозгоправа Томаса, казалось, только и ждавшего подходящего случая, человека, готового часами болтать со своими клиентками и трахаться с ними, словно это могло избавить их от проблем. Жена принимала снотворное и успокоительные таблетки, от которых взгляд ее мутнел и ее постоянно тянуло выговориться. Она создала страницу в Фейсбуке, посвященную исчезновению Лины. На этой странице она анонсировала всяческие встречи и писала посты, от которых у Лелле волосы вставали дыбом: подробности их личной жизни и подробности о Лине из тех, какие не стоило бы обнародовать.

Сам он почти ни с кем не разговаривал. Не имел на это времени. Ему требовалось найти дочь. Только ее поиски что-то значили для него. Поездки по Серебряной дороге начались уже в первое лето: он поднимал крышку каждого бака для мусора и копался в контейнерах, проверял заброшенные рудники и заболоченные участки, и все исключительно голыми руками. Дома он постоянно сидел в Интернете и общался на форумах, где абсолютно незнакомые люди излагали ему свои теории относительно Лины. По их мнению, девочка сбежала, попала под машину, наложила руки на себя, утонула, ее убили, похитили, заставили заниматься проституцией и так далее. Иногда попадались совсем уж безумные сценарии, но он в любом случае заставлял себя читать всё. И почти ежедневно звонил в полицию, кричал, что они не делают ни черта. Не мог ни спать, ни есть. Возвращался домой после очередной, порой продолжавшейся целые сутки поисковой экспедиции в грязной одежде, с царапинами на лице, о происхождении которых сам не знал. Со временем Анетт перестала мучить его вопросами. Пожалуй, он даже испытал

облегчение, когда она покинула его ради Томаса, поскольку теперь он мог целиком посвятить себя поискам. Поиски – единственное, что у него осталось.

Лелле сидел перед компьютером с чашкой кофе. Лина улыбалась ему с экранной заставки. Воздух в комнате был тяжелый и затхлый. Пыль танцевала в лучах света, прорывавшегося сквозь щели в опущенных жалюзи. На подоконнике склонил голову мертвый цветок. Со всех сторон – грустные напоминания о собственной деградации, о том, как изменилась жизнь.

Он вошел на страницу в Фейсбуке, где Анетт выложила приглашение на бдение. Сто три человека поставили лайки, шестьдесят четыре участника оставили комментарии. «*Лина, нам не хватает тебя, надежда никогда не умрет в наших сердцах*», – написала одна из ее подруг, сопроводив стенание плачущими смайликами. Сорока трем пользователям комментарий понравился, включая Анетт Густафссон. Лелле стало интересно, собирается ли она когда-нибудь поменять фамилию. Он кликнул дальше, быстро прокрутил стихотворения, фотографии и сердитые реплики. «*Кто-то знает, что случилось с Линой, пора тебе выйти из тени и рассказать правду!*» – гласила одна из них, со злым краснощеким смайликом на конце. Девяносто три человека выразили одобрение. Двадцать написали комментарии.

Лелле закрыл Фейсбук. Каждое посещение оставляло тяжелый осадок на душе.

– Почему тебя нет в социальных сетях? – обычно ныла Анетт.

– Зачем? Чтобы рыдать вместе со всеми на глазах у целого мира?

– Но речь идет о Лине...

– Я не знаю, понимаешь ли ты это, но моя задача *найти* ее, а не скорбеть по ней.

Он пригубил кофе и вошел в *Flashback*. Там не появилось ничего нового относительно исчезновения его дочери. Последнее сообщение по поводу Лины, датированное декабрем прошлого года, написал пользователь, называвший себя «Искателем истины».

«*Полиции следовало проверить, какие дальнбойщики находились на Серебряной дороге в то утро. Все знают, что это любимая профессия серийных убийц. Посмотрите данные по Канаде и США. Там каждый день пропадают люди в населенных пунктах, расположенных вдоль автострад*».

Ни много ни мало, тысяча двадцать четыре поста от анонимных пользователей. В большинстве своем все эти люди склонялись к тому, что Лину уговорил поехать с ним и увез какой-то шофер до прибытия автобуса. То есть у них была та же теория, что и у полиции. Лелле обзванивал фирмы, занимавшиеся грузоперевозками, и спрашивал, какие водители были в их районе в то время, когда пропала Лина. Он пил кофе кое с кем из шоферов, осматривал их машины и передавал имена в полицию. Но никто из этой разношерстной компании, похоже, так и не стал подозреваемым, да и не видел ничего.

Полицейские не любили, когда Лелле начинал настаивать. Они ведь живут в Норрланде, на севере Швеции, а не в Северной Америке. Серебряная дорога вряд ли могла считаться «настоящей» автострадой с американской точки зрения, и у них, в Норрланде, отродясь не было серийных убийц.

Поднявшись из-за компьютера, он закатал рукава своей пропахшей сигаретным дымом рубашки, подошел к карте северного Норрланда, приколотой к стене, прищурился и посмотрел на вереницу булавочных головок в центральной части. Затем вернулся к столу, вынул новую булавку из ящика и обозначил место, где побывал этой ночью. Он не сдастся, пока не проверит каждый отрезок дороги, любое, пусть самое убогое и гнилое, человеческое жилище вблизи нее. Провел окровавленным ногтем по карте, прикидывая, какое захолустье посетит следующим, ввел координаты в мобильный телефон и потянулся за ключами от машины. Он уже и так потерял достаточно времени.

* * *

Глаза Силье восторженно блестели, как будто перед ними открылось море возможностей, как будто лачуга в лесу была божьим даром в ответ на ее молитвы. Голос ее резко прибавил в громкости, стал мелодичным и чистым. Слова лились непрерывным потоком, наталкиваясь друг на друга. Как будто она боялась, что у нее не хватит времени сказать все необходимое. Торбьёрн, казалось, наслаждался этим. Он сидел молча с довольной миной, в то время как Силье щебетала и щебетала. Поведала о том, как ей понравился он сам, а про усадьбу – что она прямо влюбилась во все, начиная с узоров на линолеуме и заканчивая цветастыми занавесками. Не говоря уже об окружающей природе, прям точно как в мечтах, которые она лелеяла все годы. Очень удачно приплела про мольберт и кисти. Поклялась создать свои лучшие работы с помощью необычайного ночного света в царстве тишины и покоя, где ее исстрадавшаяся душа наконец получила долгожданную передышку. Да-да, только здесь у нее появится возможность творить по-настоящему.

Каждый раз влюбляясь заново, своей излишней эмоциональностью Силье могла утомить предмет страсти. Ее разглагольствования дышали ожиданием поцелуев и ласк, долгих объятий, но... Внезапный всплеск энергии матери не нравился Мее, даже пугал ее. Обычно такие приступы восторга заканчивались бедой.

Уже во второй вечер таблетки отправились в мусор. Открытый блистер с ними Мея заметила среди картофельной кожуры и кофейной гущи. Безобидные на вид пилюли пастельного цвета. Чудесное творение фармакологии, таблеточки, при своих крошечных размерах обладавшие достаточной силой, чтобы остановить безумие и темноту. Обеспечивавшие нормальное существование человека.

– Почему ты выбросила лекарство?
– Потому что оно мне больше не требуется.
– Кто тебе это сказал? Ты разговаривала с врачом?
– Мне не надо ни с кем разговаривать. Я сама знаю, что в таблетках больше нет необходимости. Тут я в своей стихии. Сейчас я наконец могу быть сама собой. Темнота меня здесь не настигнет.

– Ты сама слышишь, как это звучит?

Силье рассмеялась непринужденно:

– Почему тебе постоянно надо обо всем беспокоиться? Ты должна научиться расслабляться, Мея.

Долгими светлыми ночами Мея лежала и таранилась на рюкзак, в котором по-прежнему лежали все ее вещи. Она могла бы стащить немного денег и поездом отправиться назад, в южном направлении. Пока будет заниматься поисками работы, поживет у друзей. Обратится в социальную службу за помощью в худшем случае. Там прекрасно знали Силье, насколько неадекватной она могла быть. Но Мея понимала, что не решится на это. Ей требовалось следить за матерью, которая так и сыпала банальностями.

– *Таким свежим воздухом я никогда не дышала прежде!*

– *Разве не замечательно, когда вокруг царит такая тишина?*

Что касается тишины, Мея не замечала ее. Наоборот, лес был полон звуков, заглушавших мысли. Хуже всего было по ночам, когда назойливое жужжание комаров смешивалось с птичьим пением, а ветер с шумом гулял среди елей, заставляя их качаться. Не говоря уже о какофонии, долетавшей из комнаты, расположенной этажом ниже. Крики и пыхтение, экзальтированные возгласы. Главным образом со стороны Силье, конечно. Торбьёрн предпочитал не выражать свои эмоции вслух. Только когда они замолкали, Мея осмеливалась спуститься на

кухню, а услышав храп Торбьёрна, пробиралась через комнату выпить вино, оставшееся после Силье. Оно помогало ей не слышать звуки.

* * *

Лелле почти не спал летом. Он винил в этом свет, солнце, которое никогда не опускалось с небосвода и нахально пыталось прорваться внутрь сквозь черную ткань занавесок. Винил также птиц, шумевших ночами, и еще комаров, которые начинали жужжать над головой, стоило положить ее на подушку. Он винил в этом всё и всех, кроме того, что на самом деле не позволяло сомкнуть глаз.

Соседи сидели на террасе, смеялись и дребезжали столовыми приборами. Лелле пригнулся как можно ниже, направляясь к машине, чтобы они не смогли увидеть его.

Он беззвучно катился вниз по склону, так долго, насколько получилось, прежде чем завести мотор. Но при всех предосторожностях у него почти не было сомнений, что соседи прекрасно знают о его исчезновениях по вечерам: они видели, как его «вольво» удаляется от дома, когда приближалась ночь.

В деревне царил покой, дома утопали в мягком свете вечернего солнца. Когда он приблизился к автобусной остановке, кровь с шумом запульсировала в висках. В его сердце все еще теплилась крошечная надежда, что он увидит Лину в небрежной позе со скрещенными на груди руками, как это было, когда он оставил ее. Прошло три года, но при виде чертовой остановки у него снова и снова перехватывало дыхание.

Как считали в полиции, кто-то ехал по Серебряной дороге, затормозил у остановки и увез Лину. Вероятно, этот никому не известный человек предложил подвезти или заставил сесть в машину силой. Свидетелей в пользу данной версии не нашлось, но это выглядело единственным правдоподобным объяснением, почему девочка могла исчезнуть так быстро и бесследно. Лелле оставил Лину без десяти шесть. Автобус, если верить шоферу и пассажирам, подошел четверть часа спустя, и девочки уже не было. Все произошло за пятнадцать минут. Максимум.

Прочесали весь Глиммерстреск. Никто не остался безучастным. Проверили каждый ручей и, выстроившись цепочкой, прошли порядка десяти километров во всех направлениях. Собаки и вертолеты, добровольцы со всего округа помогали в поисках. Но все было напрасно. Они так и не нашли Лину.

Лелле отказывался верить в ее смерть. Для него она по-прежнему оставалась живой, как и в то злополучное утро. Порой ушлые репортеры или бестактные незнакомцы спрашивали его:

– Ты веришь, что твоя дочь жива?

– Да, я верю в это, – всегда отвечал он.

Лелле успел выкурить шесть сигарет за те полчаса, пока добирался до Арвидсьяура. В помещении автозаправки не было ни одного клиента, когда он зашел. Киппен стоял спиной к нему и мыл пол, лысое темя блестело в ярком свете ламп. Лелле на цыпочках подошел к кофеварке и наполнил бумажную чашку до краев.

– А я как раз сейчас подумал, где ты. – Хозяин заправки оперся тяжелым телом на ручку швабры. – И засыпал свежий кофе для тебя.

– Спасибо тебе за это, – сказал Лелле. – Как ситуация?

– Нормальная, нет причин жаловаться. Ты сам-то как?

– Жив.

Киппен взял с него плату только за сигареты. Помимо кофе он угостил Лелле вчерашней булочкой с корицей. Лелле отломил сухой край и макнул в горячий напиток, а Киппен продолжил уборку.

– У тебя поездка сегодня вечером, я вижу, – возобновил он разговор.

– Да, отправляюсь в дорогу.

Киппен грустно кивнул:

– Печальный день приближается.

Лелле опустил взгляд на мокрый пол:

– Три года. Порой кажется, все было только вчера, а порой – словно целая жизнь прошла.

– И что делает полиция?

– Одному богу известно.

– Но они же не бросили это дело?

– Особо ничего не происходит, однако я не оставляю их в покое.

– Это хорошо. Если тебе понадобится помощь с чем-то, я здесь.

Киппен отвернулся и опустил швабру в ведро. Лелле сунул сигареты в карман, взял в одну руку булочку и кофе и на пути к выходу хлопнул мужчину по плечу свободной рукой.

Хозяин заправки принимал участие в поисках с самого начала. После исчезновения Лины он потратил долгие часы, просматривая записи с камер наружного наблюдения, пытаясь найти какой-то след, который привел бы к девочке. В случае, если Лину подвозил кто-то или увез насильно, вполне возможно, что этот человек останавливался залить бензин. Ничего такого не нашлось, но у Лелле создалось впечатление, что Киппен никогда не забудет о случившемся с его дочерью, сколько бы времени ни прошло.

Лелле сел в машину, окунул последний кусок булочки в кофе и, пока ел, смотрел на колонки. Он уже давным-давно рассчитал, как долго похититель Лины мог ехать при условии, что бак был заправлен полностью. При большом баке машина могла добраться до гор и пересечь норвежскую границу. Если бы она и дальше ехала по Серебряной дороге, конечно. Вполне возможно, похититель мог свернуть на менее известные трассы, по которым обычно никто не ездил и никто не жил поблизости. То, что девочка исчезла, поняли только вечером, более чем через двенадцать часов, поэтому похититель или похитители имели в запасе массу времени.

Он вытер руки о джинсы, закурил очередную сигарету, завел мотор и, покинув Арвидсъяур, остался наедине с дорогой и лесом. Окно оставил приоткрытым, чтобы чувствовать запах хвои. Если бы деревья умели говорить, нашлись бы тысячи свидетелей.

Серебряная дорога была главной артерией, от которой отходили многочисленные дороги-капилляры, густой сетью охватывавшие всю страну. Среди этих дорог хватало разбитых проселков, используемых для вывоза бревен, потом еще таких, по которым ездили на снегоходах исключительно зимой, а также еле заметных тропок, змеившихся между мертвыми деревьями. В лесах, по которым проходили дороги, хватало озер, и рек, и бурных маленьких ручейков, бежавших как по земле, так и под ней. А также зловонных болот, готовых поглотить любого сделавшего неосторожный шаг в свое бездонное чрево. В таких местах поиски пропавшего человека могли продолжаться вечно.

Обычно требовалось проехать много километров, чтобы попались очередное жилье или какая-нибудь заброшенная постройка, а уж увидеть попутную или встречную машину вообще было чудом. Когда такое происходило, у Лелле начинало учащенно биться сердце, он надеялся увидеть Лину через стекло. Он останавливался на пустынных площадках для отдыха и, от волнения задерживая дыхание, поднимал крышки мусорных баков. Сколько бы раз он ни проделывал эту процедуру, она никогда не станет для него рутиной.

Перед Арьеплугом он свернул на маленькую дорогу из тех, что обычно соединяют соседей, на них трудно разъехаться двум машинам. Курил, не снимая рук с руля. Ключья тумана двигались между деревьями, подобно призракам, и он, прищурившись, смотрел вперед, пытаясь понять, где находился. Проселок был настолько узкий, что не позволял развернуться, пришло бы в голову поехать назад – двигался бы задом. Но ему такое не придет в голову. Лелле не привык отступать и заставлял «вольво» ползти все дальше по ямам и ухабам, не замечая, как пепел падает на рубашку. Он притормозил, только увидев дом между стволами. Когда-то в нем

жили люди, но сейчас густые кусты и молодые деревья, уже поднявшиеся до подоконников, взяли его в плотное кольцо, а на месте окон и дверей зияли пустые дыры. Дальше был еще один деревянный скелет, почти поглощенный лесом, и еще один. Полусгнившие усадьбы, по меньшей мере лет десять назад покинутые хозяевами.

Остановив машину посреди этого запустения, Лелле долго сидел неподвижно, прежде чем наполнил легкие воздухом и достал «беретту» из бардачка.

* * *

Мея старалась держаться подальше от мужчин Силье. Она избегала находиться в одной комнате с ними, так как знала, что их может интересовать не только мать. Им нравилось прижиматься к ней, игриво шлепнуть ее по задку или как бы случайно дотронуться до груди, причем еще тогда, когда у нее таковой не было и в помине.

Но Торбьёрн явно не собирался прикасаться к ней. Она поняла это уже на третий вечер в его хижине, когда спустилась на первый этаж и обнаружила его сидящим в одиночестве на кухне, где он с шумом прихлебывал кофе из блюдца. Мея прошмыгнула мимо него на террасу как можно тише, словно не заметила, но только успела закурить сигарету, как он высунул голову и спросил, нет ли у нее желания что-нибудь съесть. Глядя на его изрезанное морщинами лицо, она догадалась, что ему больше лет, чем она думала, – он был значительно старше Силье и вполне годился ей самой в дедушки.

Торбьёрн исчез, и Мея слышала, как он насвистывает что-то, пока она курит. Она не спускала настороженного взгляда с леса. У нее не укладывалось в голове, как кто-то добровольно может жить здесь. Она слышала странные звуки, замечала танцевавшие между елей подозрительные тени. Из дома вышла собака и легла у ее ног так близко, что Мея почувствовала прикосновение шершавой, неприятно пахнувшей шерсти. Время от времени собака поднимала голову и смотрела в сторону леса, словно тоже слышала кого-то там, в глубине. Мея чувствовала, как ее сердце убыстряет ритм. В конце концов она не выдержала. Общество возившегося на кухне мужчины было куда предпочтительнее.

Он уже успел поставить на стол чашки и положить все для бутербродов.

– К сожалению, у меня нет ничего сладкого.

Мея в нерешительности остановилась в дверном проеме, скосилась на закрытую дверь комнаты, где пряталась Силье, потом снова уставилась на еду:

– Бутерброды подойдут.

Она села напротив него, но не отрывала глаз от поцарапанной поверхности стола. Торбьёрн налил кофе, оказавшийся настолько горячим, что между ними облачком поднялся пар.

– Ты же, конечно, пьешь его?

Мея кивнула. Она пила кофе, сколько помнила себя. Либо кофе, либо алкоголь, но в последнем ей не хотелось признаваться, во всяком случае, постороннему. Булка оказалась вкусной и мягкой, прямо таяла во рту, и она, намазывая масло, уплетала кусок за куском; она была настолько голодная, что не могла остановиться. Торбьёрн, казалось, ничего не замечал, сидел, повернувшись лицом к окну, и говорил непрерывно, сопровождая свой рассказ жестами. Показывал на тропинки, бежавшие в лес, на деревянный сарай в углу, где хранились велосипеды, спиннинги и все прочее, чем она может воспользоваться.

– Все что есть в усадьбе – в твоём распоряжении, это твой дом теперь. Я хочу, чтобы ты знала это.

Мея слушала его, жевала и чувствовала, что ей становится трудно глотать.

– Я никогда не рыбачила...

– Ничего страшного, я могу научить тебя как-нибудь.

Ей нравилось его морщинистое лицо, когда он улыбался, и его сдержанная манера говорить. Торбьёрн задерживал на ней взгляд только на короткие мгновения, словно стеснялся, а она расслабилась настолько, что осмелилась налить себе еще кофе, хотя ей пришлось наклониться через стол, чтобы дотянуться до кофейника. Было уже поздно, но солнце светило в окно, и она и без кофе не смогла бы заснуть.

– Ага, сидите и кайфуете.

Силье, бледная как тень, стояла в дверном проеме в одних трусах, грудь висела. Мея отвернулась.

– Иди к нам и садись, пока твоя дочь не приговорила батон, – сказал Торбьёрн.

– Да, моя Мея способна сожрать все в доме, если ты ей позволишь, – буркнула Силье, проковыляла через кухню, встала под вентилятором и чиркнула зажигалкой. Она с такой жадностью втянула в себя дым, словно не курила сто лет.

Мея машинально напряглась – ей не понравился тон матери. Она видела ее отражение в стекле старинных прадедовских часов: блестящие глаза, ребра, выпирающие из-под кожи, – и сразу захотела спросить, нет ли у нее абстиненции после таблеток. Но она не стала делать это при Торбьёрне, который как раз протянул Силье кофейник.

– Я только что предложил Мее осмотреть усадьбу, – сказал он. – У меня есть несколько велосипедов на случай, если она захочет прокатиться к озеру или в деревню.

– Слышишь, Мея? Почему бы тебе не прогуляться и не познакомиться с окрестностями?

– Пожалуй, завтра.

– Тебе же все равно нечем больше заняться. Прокатись в деревню, может, найдешь там ровесников. Сейчас же фактически лето. Ты ведь не будешь постоянно сидеть здесь и помирать от тоски. – Силье загасила сигарету, потянулась за бумажником, достала из него двадцатку и протянула Мее: – Купи мороженое или еще что-то.

– У нас все уже закрыто, поздно, – сказал Торбьёрн со своего места. – Но молодежь обычно гуляет допоздна. Они, конечно, обрадуются новенькой.

Мея неохотно поднялась и взяла деньги. Силье вышла вместе с ней на террасу.

– Нам с Торбьёрном просто надо немного времени для себя, – прошептала она. – Ты же можешь не возвращаться несколько часов? Езжай и проветришь немного!

Она чмокнула дочь в щеку и протянула ей две сигареты, затем закрыла дверь за собой. Щелкнула щеколда. Мея замерла и еще какое-то время ошарашенно таращилась на дверь. Она слышала шум деревьев за спиной – казалось, они смеются над ней, – потом медленно повернулась, и до нее дошло, что она осталась наедине с лесом. То есть произошло то, чего она так боялась.

* * *

Именно такие заброшенные места он и посещал теперь. Давно опустевшие усадьбы с заросшими тропинками. Прорицательница из Кеми сказала ему, что именно там его дочь. «Среди густого леса и деревянных руин, оставленных людьми». И пусть Лелле особо не верил ясновидящим, сейчас он готов был схватиться за любую соломинку.

Хорошо еще, было светло как днем, когда он переступал через прогнившие пороги и, сгибаясь, проходил в двери, еле державшиеся на проржавевших петлях. Щелястый пол скрипел и подозрительно трещал под его ногами, когда он бродил по комнатам, скользя взглядом по обшарпанной мебели, печам и абажурам, покрытым паутиной и толстым слоем пыли. В некоторых усадьбах эхо гуляло по пустым помещениям, тогда как другие, похоже, покидали в спешке, судя по стоявшему на полках фарфору и заключенным в рамки вышивкам с различными мудрыми изречениями.

«Люби меня больше всего, когда я этого меньше всего заслуживаю, поскольку тогда мне это по-настоящему необходимо».

«Довольствуйся малым, не забывай, что погоня за большим зачастую оборачивается только лишними заботами!»

«Счастье заглядывает в дом, если радость живет в душе».

Он подумал о розовощеких женщинах, сидевших у керосиновой лампы длинными зимними ночами с иголкой в руках. Скрашивали ли эти простые истины убогое существование? Может, как раз он и ошибается, считая их смешными?

Солнечный свет проникал внутрь сквозь пустые квадраты окон, в глаза бросались следы жизнедеятельности зайцев, мышей и прочей живности, обосновавшейся здесь. Стараясь не шуметь, Лелле шагнул в спальню, заглянул под кровати и в гардероб. Он старался двигаться как можно быстрее, но и не забывал об осторожности, прекрасно понимая, что пол может провалиться в любом месте. Сердце постепенно успокаивалось. Его миссия почти закончилась – осмотрит большой жилой дом и с чувством выполненного долга может снова сесть в машину.

Этот дом, похоже, находился в самом приличном состоянии, во всяком случае, в окнах держались стекла, а черепица ровными рядами лежала на крыше. Входная дверь, однако, не хотела открываться, и ему пришлось приложить силу, чтобы сдвинуть ее с места. В конце концов она распахнулась так внезапно, что Лелле свалился на землю. Громко выругавшись, он почувствовал, как сквозь джинсы просочилась влага, и жгучую боль около копчика. Поднялся, выпрямился и машинально бросил взгляд через плечо, как бы в попытке убедиться, что никто не стоит сзади и не смеется над ним.

Ноги еще не успели переступить через порог, когда в нос ударило зловоние, идущее изнутри, – тошнотворный запах смерти и гниения. Он попятился назад так резко, что чуть снова не упал, и, положив руку на засунутый за пояс пистолет, торопливым движением снял его с предохранителя. Автомобиль стоял метрах в пятидесяти позади, наполовину закрытый молодыми деревьями, и первым желанием было побежать к нему, сесть за руль и умчаться прочь, забыв про ясновидящую с ее предсказанием. Однако, немного успокоившись, он передумал и, закрыв лицо свободной рукой, с пистолетом наперевес шагнул внутрь.

Смрад был просто невыносимый. Пока глаза привыкали к царившему внутри полумраку, к горлу подступила тошнота. Осмотревшись, он увидел множество лиц, улыбавшихся ему: маленькие беззубые дети, женщина в черном платье со столь же черными глазами... Стены комнаты были плотно увешаны черно-белыми фотографиями, кто-то прикрепил их булавками к обоям. Покрытая сажей печка, треногие стулья и кухонный стол с цветастой скатертью, больше ничего. Под столом чернел небольшой бесформенный предмет.

Мышь-полевка. Мертвая и распухшая, с длинным хвостом, завернувшимся вдоль серого тела.

Лелле сунул пистолет за пояс и направился к выходу, стараясь не смотреть на улыбающиеся лица, а на улице побежал к машине. Постоял около нее какое-то время, положив руки на колени. Пытался очистить легкие, набирая лесной воздух, однако без особого успеха. Зловоние преследовало его, когда он ехал назад к большой дороге. Казалось, оно пропитало кожу и стало неотъемлемой частью его собственного тела

* * *

Мея оказалась на улице так внезапно, что не успела не только переобуться, но даже подумать об этом, а ее сандалии с тонкими подошвами не слишком годились для хождения по корням и шишкам. Однако она не замечала этого; рыдая, она старалась как можно быстрее удалиться от дома, только бы Силье не видела ее слез. Сначала она бежала, толком не раз-

бирая дороги, потом долго стояла, прежде чем ей удалось восстановить дыхание и немного прийти в себя. Деревья, громко скрипя, качались, царапая ей руки ветками, словно пытались схватить. Собака увязалась за ней, но постоянно сворачивала то в одну, то в другую сторону, исчезая среди упавших стволов и веток. Мея пожалела, что нет поводка, тогда бы она держала собаку рядом с собой. Сердце трепетало от страха, но она сама не знала, чего боялась больше: мелькавших среди деревьев теней, диких зверей или одиночества. Ей никогда еще не приходилось бывать в лесу в таком захолустье, где, как она понимала, сколько ни кричи, никто тебя не услышит. Окружавшие ее деревья были старыми, их возраст явно насчитывал десятки лет. Покрытые мхом толстые серые стволы сосен тянулись так высоко к небу, что у нее закружилась голова, когда она подняла взгляд к кронам.

«Здесь можно легко потеряться, и никто не найдет», – подумала она.

Озеро, которое она видела из окна машины Торбьёрна, оказалось большим. Какое-то время она шла вдоль берега; ее ноги оставляли глубокие следы в поросшей травой и мхом мягкой земле; маленькие кривые березки стояли, понурив головы и купая ветви в воде. Из зарослей вышла собака и принялась жадно пить. Мея села на валун, покрытый почерневшим мхом, похожим на свернувшуюся кровь, сняла сандалии и сунула пальцы ног в воду, однако быстро подтянула их к себе. Собака снова убежала, и Мея торопливо последовала за ней. Вдоль берега змеилась еле заметная тропинка, отклоняясь в сторону, только когда требовалось обогнуть упавшее дерево или переправиться через бурные ручейки. Мея начала уставать. Сколько времени прошло? Можно ли уже возвращаться? Она достала одну из полученных от матери сигарет, чиркнула зажигалкой и сделала затяжку.

Вдруг она услышала голоса. Снова подбежавшая собака лаяла, как будто звала за собой. Мея поспешила по тропинке и между ветками увидела людей, сидевших на берегу. Горел костер, тонкая струйка дыма поднималась прямо к небу. Они засмеялись, увидев собаку, ласково поприветствовали ее, а потом заметили Мею. Она выронила сигарету изо рта, но быстро наклонилась, подняла ее с земли и сделала затяжку, словно ничего не случилось, однако почувствовала, как щеки залились румянцем.

Парни... Молодые, с прыщавыми лицами и выпирающими вперед кадыками, дергавшимися при глотательных движениях. Один из них встал и направился к ней. Длиннорукий, довольно своеобразной внешности, он, прищурившись, подошел так близко к ней, что Мея невольно попятилась. Парень вытянул вперед открытую ладонь, словно собираясь поздороваться, но затем внезапно выхватил сигарету из ее пальцев и бросил в воду, не спуская взгляда с ее лица.

– Что ты сделал, черт побери?

– Красивые девушки не должны курить.

– И кто это сказал?

– Я.

Со стороны костра послышался громкий смех.

– И кто же ты такой? – спросила она.

В его серых глазах вспыхнули озорные огоньки, и Мея поняла, что он дразнит ее.

– Меня зовут Карл-Юхан.

Он вытер руку о джинсы и протянул ей. Кожа была шершавой и мозолистой.

– Мея, – сказала она.

Он кивнул через плечо:

– А там у нас Ёран и Пер, они не такие опасные, как выглядят.

Два парня кивнули от огня. Все трое имели пепельные волосы и были одеты в похожие футболки и джинсы.

– Вы братья? – спросила она.

– Все думают, что я самый старший, – ответил Карл-Юхан. – Хотя все совсем наоборот.

Он достал нож из ножен, висевших у него на поясе, и показал кончиком в сторону костра.
– Подходи и садись, – сказал он. – Мы как раз готовим еду.

Мея колебалась какое-то мгновение, а собака уже сидела у костра и, виляя хвостом, поедала глазами рыбу, которой они как раз занимались. Мея бросила взгляд на тропинку, ведущую к дому Торбьёрна. Мох блестел в свете ночного солнца, и лес уже не казался ей столь пугающим.

* * *

К северу от Абборртреска он повернул на новый проселок, хотя Лина запротестовала:
– Хватит уже на эту ночь.
– Только этот, и всё.

Гравий трещал под колесами и, вылетая, карябал днище машины. По обеим сторонам тянулись болота. Он мог видеть пар, поднимавшийся из разрывов во мху, как будто дышала сама земля. Проехав несколько километров, он обнаружил черное пятно озера впереди. С каждой стороны от него находилось по одной заброшенной усадьбе.

Остановив машину, направился дальше пешком с сигаретой между зубов, держа «беретту» обеими руками. Ствол наклонил к земле, которая, казалось, качалась. Он не знал, зачем ему оружие, поскольку не мог представить, что способен выстрелить в кого-то. Но в критической ситуации ему не хотелось быть беззащитным.

Первый из двух домов встретил его знакомым запахом запустения. Паутина в виде нитей висела от стены до стены, щекотала ему лицо, когда он ходил по комнатам. В спальне он встал на колени и заглянул под узкую койку, там обнаружилась коробка для рыболовных принадлежностей из зеленой пластмассы, наполненная крючками и блеснами. В гостиной он открыл дверцу печки и покопался среди серых прогоревших угольков. От пустой корзины для дров тянулся пестрый половик. На нем он смог различить следы от испачканной глиной обуви. Наклонившись и ковырнув пальцем коричневатую грязь, он констатировал, что она была влажной и еще свежей. Кто-то побывал здесь совсем недавно.

Лелле прижался спиной к печи и, выставив пистолет перед собой, скользнул взглядом по окнам, в которых частично сохранились стекла. Снаружи покачивались ели. Он стоял так, пока не привел в порядок мысли. Сердце уже не билось так отчаянно. Другие люди тоже бывают в этих лесах, заходят в заброшенные усадьбы, чтобы согреться, найти защиту от непогоды или просто обследовать. Ни о чем ином не могла идти речь.

Лелле вышел наружу и направился к озеру, на черной поверхности которого лениво покачивались кувшинки. Подумал, насколько оно глубокое и можно ли обследовать дно. Бросил окурок в воду и пожалел, что пошел тут. Почва была болотистой, уходила под ногами, словно ожидая случая утянуть пришельца за собой. Его атаковало целое полчище комаров, и он закурил новую сигарету, чтобы защититься дымом.

Вторая усадьба была в лучшем состоянии. На стенах местами осталась желтая краска, входная дверь открылась без скрипа. Лелле переступил через порог, и дверь закрылась за ним. Больше ничего не удалось сделать, поскольку он сразу почувствовал, как к затылку прижали ствол.

Он поднял руки вместе со своей «береттой» и стоял, не смея пошевелиться, слыша бие-ние собственного сердца и чужое дыхание рядом.

– Кто ты? – спросил мужской голос почти шепотом у него за спиной.
– Меня зовут Леннарт Густафссон. Пожалуйста, не стреляйте.

Ствол по-прежнему касался затылка, и Лелле почувствовал горечь желчи во рту. «Беретта» выскользнула из руки и упала на пол. Мужчина вытянул вперед ногу и пнул пистолет в сторону, а потом с такой силой прижал дуло ружья к голове Лелле, что тот чуть не упал. Он

зажмурился и как наяву увидел перед собой Лину, ее красивые голубые глаза, как она подмигнула ему. Уловил уккоризненные нотки в ее голосе. «*Что я говорила тебе*».

* * *

Они почистили рыбин и, опустошив от внутренностей, повесили на палочках над огнем. Темные хвосты блестели на солнце. Кишки и прочие отходы парни бросили за камень, к восторгу собаки, а окровавленные руки вымыли в озере. Ели без всяких изысков, только слегка поперчив и посолив, и Мея удивилась, насколько вкусной оказалась рыба.

Все трое говорили не особенно много, но охотно тарасились на нее. Она смущалась, не понимала, как себя вести, то и дело приглаживала волосы, не зная, куда девать руки.

Каждый раз, когда она встречалась взглядом с Карлом-Юханом, парень улыбался. У него были красивые зубы и ямочки на щеках. Мея толком не могла есть, когда он смотрел на нее, просто в ступор впадала. Он явно верховодил над остальными и говорил больше всех, двое других лишь кивали, фыркали и гордо задирали носы в нужных местах. Ростом он уступал братьям, но явно не силой, и при этом выглядел безобидным, как мальчишка. Упросил ее съесть еще одного окунька и поинтересовался, уж не на стокгольмском ли диалекте она говорит.

– Я жила везде понемногу, – ответила Мея, почувствовав себя светской львицей, – поэтому моя речь – смесь всего на свете.

– Как ты оказалась в Глиммерстреске?

– Моя мама захотела перебраться сюда.

– И почему?

– Она познакомилась с мужчиной в Сети. У него усадьба здесь. А мама всегда мечтала об этом... о простой жизни в лесу, типа того.

Мея почувствовала, как у нее порозовели щеки. Она ненавидела говорить о Силье, но заметила, как у Карла-Юхана восторженно заблестели глаза.

– Она, похоже, умная женщина.

– Ты так считаешь?

– Да, конечно. Все должны искать более простой жизни при мысли о том, каким стал мир.

Он сидел близко, почти вплотную к ней, их плечи и колени время от времени касались. А голос действовал опьяняюще. И он не сводил с нее глаз.

– Вы всегда гуляете по ночам? – спросила она.

– Сейчас лучше всего клюет. – Карл-Юхан кивнул в сторону озера, в блестящей поверхности которого отражалось небо. – А ты... что ты делаешь здесь так поздно?

– Я? Я не могла заснуть.

– После смерти отоспимся, – усмехнулся он. – Ладно, сейчас, по-моему, пора нам окунуться.

Карл-Юхан снял футболку, обнажив крепкое загорелое тело. Как по команде, парни тоже разделись и пошли к воде. Мея осталась сидеть у костра, но Карл-Юхан звал и звал ее своим певучим голосом, пока она не сдалась.

Скинула джинсы и в футболке окунулась в ледяную воду – ей показалось, что у нее от холода сердце выскочит из груди. Потом они обсыхали на валунах, завернувшись в полотенца, – Карл-Юхан отдал Мее свое. Собака не отходила от симпатичного парня, как будто тоже поняла, кто здесь все решает.

Мея подумала о словах, сказанных Силье, когда они жили у одного крестьянина в Лахольме: «*На парня, который ладит с животными, можно положиться*».

– Вы живете в деревне? – спросила она.

– Нет, мы живем не в Глиммерсе. Мы приходим из Свартшё.

– А где это?

– Примерно в десяти километрах отсюда.

Кожа Ёрана, старшего из братьев, было буквально усеяна крупными прыщами, которые он постоянно теребил кончиками пальцев. Мея старалась не смотреть на него.

– Вся эта страна постепенно катится в ад, – заявил Ёран. – Свартшё – наше убежище.

– Убежище от чего?

– От всего.

В окружавшей их тишине его слова прозвучали высокопарно, как будто он был политиком. Средний брат по имени Пер сидел молча, надвинув кепку на лицо. Мея скосилась на Карла-Юхана и увидела, что тот улыбается.

– Ты должна навестить нас, сама все увидишь, – сказал он. – Возьми с собой маму тоже. Если вас интересует простая жизнь, Свартшё вам понравится.

Мея крутила в пальцах последнюю сигарету. Ей очень хотелось зажечь ее, но она не стала.

– Вы странные, – пробормотала она. – Ужасно странные.

Они рассмеялись на это.

Карл-Юхан напросился проводить ее через лес, за что она была ему очень благодарна, поскольку тем самым избежала муки находиться наедине с деревьями. Тропинка была узкой, и им приходилось идти друг за другом. Мея чувствовала, как его глаза жгут ей затылок. Собака бежала первой и хлестала хвостом по кустам брусничника. Тут было над чем призадуматься. Обычно Мея не нравилась парням, во всяком случае, по-настоящему, поскольку была слишком молчаливой и неуверенной в себе. Парни предпочитали девиц, которые умели ругаться и громко смеялись над шуточками. Она же не преуспела ни в первом, ни во втором. Иногда она пыталась быть «своей в доску», но, судя по взглядам, выходило у нее плохо.

Карл-Юхан, однако, и не пытался шутить. Он просто шел позади нее и рассказывал о живших у них коровах, козах, собаках. «У нас все есть в Свартшё», – повторил он несколько раз вибрировавшим от гордости голосом. Обернувшись, Мея увидела, что у него очень серьезные глаза, из-за чего он выглядел ужасно взрослым. Интересно, сколько ему лет? Спросить она не решилась. Парня явно устраивала собственная жизнь. В отличие от нее.

Она подумала о Силье, о том, что мать, пожалуй, уже спит мертвецким сном, но здесь ничего нельзя было знать наверняка. С таким же успехом Силье могла болтаться по усадьбе абсолютно голая, пьяная и нести околесицу.

Когда показалась крыша дома, Мея остановилась.

– Моя мама больна, – сказала она. – Я не знаю, стоит ли тебе провожать меня до конца и заходить к нам.

Карл-Юхан стоял так близко, что она чувствовала запах озерной воды и рыбьей крови, пятнами засохшей на его футболке. Живот слегка заныл от его взгляда. Она могла видеть, как тонкая кожа на ребрах вибрирует от ударов его сердца.

– Тогда увидимся, – сказал он.

Мея была вынуждена взять собаку за ошейник, чтобы та не последовала за ним, когда он уходил. Ей захотелось развеяться, когда парень исчез между елями.

* * *

– Повернись, чтобы я мог видеть тебя.

Задержав дыхание, Лелле начал медленно, очень медленно поворачиваться и закончил, только когда ствол ружья уперся ему в грудь.

Теперь он мог рассмотреть мужчину. Длинноволосый, со спадающей на грудь неухоженной бородой, грязным лицом и колючим взглядом; одет в обтрепанную на швах старую одежду,

болтавшуюся на нем как на вешалке, сквозь большую дыру в свитере виднелась бледная кожа. От него исходил резкий запах леса, пота и костра. Не сводя глаз с Лелле, он опустил ружье:

– Какого черта тебя сюда занесло?

– Прошу прощения, – сказал Лелле. – Я не знал, что здесь кто-то живет. Я ищу свою дочь.

– Свою дочь? – сказал мужчина таким тоном, словно это слово было из другого языка.

– Да.

Лелле опустил левую руку, достал фотографию из внутреннего кармана куртки и показал ему:

– Это моя Лина, ей скоро должно исполниться двадцать. Она исчезла три года назад.

Незнакомец наклонился вперед и долго изучал снимок. Вытянутая рука Лелле дрожала.

Он не сводил взгляда с ружья.

– Я не видел ее, – сказал мужчина в конце концов. – Она пропала где-то здесь?

– Она исчезла с автобусной остановки перед Глиммерстреском.

– Глиммерстреск находится далеко от нас.

– Я знаю, но поиски привели меня сюда.

Глаза мужчины заблестели в полумраке.

– Здесь ее нет. Можешь не сомневаться.

Лелле убрал фотографию Лины в карман. Слова незнакомца стали для него ударом, он почувствовал, как к глазам подступили слезы, и закашлялся, пытаясь взять себя в руки.

– Прошу прощения за мое вторжение... я не знал, что здесь кто-то живет, – повторил он, а потом протянул руку к двери, собираясь выйти наружу.

Он уже успел шагнуть за порог одной ногой, когда услышал хриплый голос за спиной:

– Не хочешь кофе?

Лелле сел на шаткий деревянный стул. Бородач отставил ружье и принялся готовить кофе черными от въевшейся грязи руками. Окна были завешены темным брезентом, но на столе стояла керосиновая лампа, освещающая сосновые стены тусклым светом. Мужчина явно был моложе, чем выглядел, Лелле понял это по его движениям и мышцам, игравшим под рваной тканью свитера.

– Извини, что я целился в тебя, – сказал мужчина. – Но ты меня напугал.

Лелле уже успел поднять свой пистолет с пола и на всякий случай положил его на расстоянии вытянутой руки от себя.

– Я правда не думал, что здесь кто-то есть... Могу я спросить, как тебя зовут?

– Патрик, – ответил мужчина после недолгого сомнения. – Но предпочитаю, чтобы меня называли Патте.

– Ты живешь здесь?

– Иногда. Когда мои дороги мимо проходят.

– Сюда не так много дорог ведет...

Патте улыбнулся, в полумраке блеснули зубы. Он налил кофе в пластиковые кружки и протянул одну из них Лелле. Напиток получился густым, как деготь, но пах божественно в затхлом помещении.

– Как ты здесь оказался? – спросил Патте.

– Случайно. Я уже три года катаюсь по Серебряной дороге... проверяю каждое ответвление от нее.

– Пытаюсь отыскать дочь?

Лелле кивнул.

– Полиция тебе помогает?

Прежде чем ответить, Лелле достал пачку сигарет, сунул одну в рот и протянул пачку Патте:

– От полицейских мало толку.

Патте кивнул, соглашаясь. Они закурили и какое-то время молчали. Лелле заметил, как глубоко мужчина втягивает дым в легкие, словно это был гашиш. Крылья носа дергались, но, похоже, общество Лелле его не напрягало.

– А чем ты здесь занимаешься? – спросил Лелле.

Патте внимательно посмотрел на него сквозь клубы дыма:

– Ну... я тоже ищу кое-кого.

– И кого именно?

Патте поднялся и исчез в соседней комнате, ружье он с собой не взял. Вернулся с прилично заляпанной фотографией и протянул ее Лелле. На ней был молодой солдат с постриженными ежиком волосами, в форме песочного цвета и с автоматом на груди; позади него – грязно-серое здание с разбитыми стеклами, на стенах – следы от пуль.

– Так я выглядел, пока война не уничтожила меня.

Лелле посмотрел внимательнее, сравнивая стоявшего перед ним бородатого мужика с гладко выбритым юнцом на снимке. Он не нашел ничего общего, пожалуй, за исключением глаз.

– Война? Какая война?

– Афганистан. – Патте скривился.

– Ты был миротворцем ООН?

Мужчина кивнул.

– Ничего себе...

Лелле откинулся на спинку стула и процедил кофейную гущу между зубами. Брезент okayмляла полоска солнечного света, и он мог слышать птичье пение снаружи. Да уж, в мире еще хватает горя и бед...

Патте достал охотничий нож и принялся чистить ногти. Затем, прищурившись, посмотрел на Лелле:

– У тебя нет желания спросить, убил ли я кого-то там?

– Шведские солдаты ООН обычно ведь не участвуют в военных действиях?

Патте рассмеялся хрипло, но потом быстро закашлялся.

– Это так думают. Истина гораздо мрачнее на самом деле.

Он поднял вверх семь пальцев. Его ладони были обожжены, и с них слезала кожа.

– Я убил семь человек. И видел, как другие умирали. – Мужчина ударил себя рукояткой ножа по лбу. – Я никогда не перестану слышать их крики. Эти крики мучают меня постоянно.

Лелле расстегнул воротник рубашки. Ему стало душно.

– Звучит ужасно...

– Хуже всего, если не умирают сразу. Если у них оторваны конечности, но они еще живы. Тогда надо подойти и добить с близкого расстояния. Глаза в глаза. И ты видишь все прямо перед собой. Как в глазах гаснет огонь. Жизнь убегает. – Он показал кончиком ножа на Лелле: – Каждое убийство проникает под кожу, разрушает тебя изнутри. Никто не предупреждал нас ни о чем таком до того, как мы приехали туда. Никто не объяснял, что происходит с тобой, когда ты хоть однажды познакомишься со смертью, встретишься с ней взглядом. Как это цепляет, как становится частью тебя...

– Ты остался бы дома, если бы знал?

Патте потупил взор. Кожа на его лице жила своей собственной жизнью, дергалась и шла пятнами.

– Я любопытен до ужаса, – ответил он в конце концов. – Нам всем приходится знакомиться со смертью рано или поздно. Нельзя закрывать на нее глаза.

Лелле отодвинул кружку в сторону. Из-за духоты в комнате на него навалилась усталость. Он не мог разговаривать о смерти, а о войне особенно, когда над ним довлело собственное горе. Ноги побаливали, когда он поднялся.

– Спасибо за кофе, но сейчас мне пора идти.

– Здесь в лесах хватает таких, как я. Потерявших себя людей, не способных больше жить в нормальном мире. Твоя дочь, пожалуй, одна из нас. Может, она просто взяла паузу?

– Лине нравится наш мир.

– По-твоему, кто-то причинил ей зло?

– Она никогда не покинула бы нас по собственной воле. Я знаю это.

Мужчина проводил Лелле до входной двери, словно действительно не хотел отпускать его.

– Я буду иметь в виду твою дочь.

– Спасибо. За это я тебе очень благодарен.

– По моему опыту, прежде всего следует остерегаться улыбающихся людей.

– О чем ты?

– Я о тех, кто скалится без причины, обнажает зубы с целью расположить к себе. Именно в них прячется зло.

– Хорошо, я запомню это.

Лелле распахнул дверь, и Патте поднял руку, чтобы защитить глаза от яркого солнца.

– Я помогу тебе с поисками, – сказал он, – но я не в восторге от этого света.

– Понимаю. Он забирает силы.

Они обменялись рукопожатиями, но не произнесли больше ни слова. Прежде чем дверь закрылась, посмотрели друга на друга, как два человека, между которыми сложилось полное взаимопонимание. Разделявшее две усадьбы озеро выглядело черным, как лужа от масла. Лелле поспешил назад к машине. Его одолевало страстное желание убраться отсюда как можно скорее.

* * *

В выходные они нажрались вдвоем. У Торбьёрна покраснело лицо и развязался язык, он трещал о закрытой шахте, где его карьера закончилась крахом. Силье приготовила свиные котлеты и картофельную запеканку; стол сервировала тонким фарфором матери Торбьёрна. Он уплетал котлеты за обе щеки, а Силье просто сидела в торце стола и курила одну сигарету за другой. У нее появились черные круги под глазами, она пожаловалась, что потеряла аппетит из-за того, что здесь слишком жарко. У нее всегда находились оправдания. При взгляде на худые плечи матери Мея подумала о только что вылупившихся птенцах. Лямки бюстгальтера сваливались на руки.

– Тебе надо есть. Ты выглядишь как скелет.

– Не все такие прожорливые, как ты, Мея.

Правда колола матери глаза. Потеря аппетита стала для нее относительно новым явлением. Сначала она винила во всем таблетки – якобы из-за них ничего не лезло в горло. Но с таблетками было покончено. И она еще больше разозлилась, когда Мея заметила, что нельзя питаться одним красным вином.

Мея поднялась к себе. Лежала на узкой койке и смотрела на потолок, в ту точку, где сходились балки. Там болталась прозрачная паутина с засохшими комарами и мухами. Вот ведь, попались в сплетенную кем-то сеть... Пусть это были всего лишь мерзкие букашки, у нее защищало в глазах.

Скоро она услышала пыхтение матери этажом ниже, сначала тихое, потом звуки стали громче. Торбьёрн рычал, кровать скрипела. Могло показаться, что он убивал Силье. Мея зажала уши ладонями и перевела взгляд на верхушки сосен за окном.

Внезапно в памяти всплыли голоса, издававшиеся над ней.

«Правда, что твоя мать дает за деньги?»

«Ты конечно же знаешь, что это означает?»

Мобильный телефон лежал на тумбочке. Никто не звонил ей с тех пор, как она села в поезд, идущий в Норрланд. Никто в городе, который она совсем недавно покинула, не скучал по ней, никого не интересовало, куда она подевалась. Пусть именно она снабжала «друзей» сигаретами и таблетками по выходным. Вот «колес» им, пожалуй, сейчас точно не хватает.

Мея уже видела сны, когда услышала подозрительный звук. Села в кровати и посмотрела на спинку стула, который подставила под дверную ручку, чтобы никто не смог зайти, пока она спит. Торбьёрн не вызывал у нее особых опасений, но она все равно решила забаррикадироваться на ночь.

Когда звук повторился, до нее дошло, что исходил он от окна. Она спряталась за занавеской и посмотрела наружу, в светлую ночь. Ее взгляд упал на тень, двигавшуюся рядом с террасой. Собака вскочила, зазвенев цепью, и она увидела, как какой-то мужчина, наклонившись, погладил и почесал ее. Когда он повернулся, она узнала Карла-Юхана.

Мея распахнула окно и перегнулась через подоконник:

– Что ты тут делаешь?

– Я решил искупаться в озере. Ты со мной?

– Сейчас? – прошептала она. – Среди ночи?

– После смерти отоспишься.

Она повернула голову в сторону двери и прислушалась, пытаясь определить, чем заняты Торбьёрн и Силье, но в старом доме царила тишина. Если верить мобильному телефону, было два часа.

– Дай мне десять минут и постарайся, чтобы никто тебя не увидел! – улыбнулась она Карлу-Юхану.

Почистила зубы и побрызгала дезодорантом под мышками. Не стала ничего делать с волосами, просто расчесала их и слегка подкрасила губы. На большее у нее не хватило времени. По старой привычке сунула пачку сигарет в карман джинсов, но потом передумала. Карл-Юхан явно не любит курящих девушек. Торопливым движением бросила пачку в ящик и засыпала всяким хламом, чтобы не бросалась в глаза.

Теперь была задача как можно тише спуститься по лестнице. Мея старательно перешагнула третью ступеньку снизу, обычно реагировавшую громким скрипом, когда на нее кто-то наступал. На диване сидя спал Торбьёрн, под странным углом наклонив голову. Он был голый, из-под выпиравшего вперед живота выглядывал сморщенный пенис. Мея отвернулась и продолжила путь к входной двери. Из примыкавшей к прихожей ванной доносились булькающие звуки, от которых стало не по себе. Силье напилась, наелась таблеток и теперь блевала. В этом не было ничего необычного, но все равно беспокоило – кто ж знает, к чему это приведет? Мея довольно долго стояла, положив руку на дверь, колебалась. Но потом подозрительные звуки прекратились, и она выбежала из дома.

Туман расползлся из леса по сторонам, накрывая белым покрывалом поляну. Карл-Юхан прятался в тени, от него пахло хлебом и животными, когда он по-дружески обнял ее.

– Где твои братья?

– Дома остались.

Парень взял Мею за руку, крепко оплел ее пальцы своими и повел между соснами. Собака печально заскулила им вслед. Мокрая трава хлестала по ногам, роса оставляла темные полосы

на джинсах. Тропинка вся утопала в тумане. Мея посмотрела на шею своего спутника, на то место, где завивались волосы, и почувствовала странное жжение в районе солнечного сплетения, как будто что-то проснулось внутри. Это было новое, незнакомое для нее ощущение.

Туман парил над озером, обволакивал ели. Карл-Юхан привел Мею к кострищу и захлопотал, чтобы развести огонь. Принес дрова, поставил их домиком, потом достал зажигалку из кармана и запалил сухие мелкие ветки. Осторожно подул, чтобы пламя лучше разгорелось, и скоро оранжевые языки жадно пожирали построенную им конструкцию, вздымаясь к небу.

В свете костра лицо Карла-Юхана похорошело, ожило, приобрело новые черты. Мея почувствовала, как все ее тело напряглось, когда парень встал рядом с ней. От волнения она ужасно захотела курить, не зная, куда девать руки, вытянула их к огню. Придумывала, что сказать. Слышала, как вода плещется о камни.

– Расскажи о себе, – попросил Карл-Юхан внезапно.

– Что именно?

– Тайну, такое, о чем ты не говорила никому другому.

Мея скосилась него. В глазах парня танцевали языки пламени. Она колебалась, ей казалось, что плеск воды звучит как издевательский смех. Наконец она решилась:

– В первый раз я напилась пьяной, когда мне было пять лет.

– Ты шутишь?

– Нет. Силье обычно называла свое вино соком для взрослых. Я ныла и просила дать и мне, но она говорила, что это только для больших. Дети якобы умирают, если выпьют хоть каплю. – Мея тихо фыркнула. – Это подогрело мое любопытство, и однажды вечером, когда она заснула на диване, я решила попробовать. И мне вино, наверное, понравилось, поскольку на следующее утро я проснулась в больнице. Они промыли мне желудок. Я чуть не умерла.

Карл-Юхан выглядел ошарашенным.

– И тебе было только пять лет...

– Согласно медицинской карте. Если верить Силье, я была старше. Но она все помнит так, как ей хочется.

Пламя качнулось в ее сторону, и Мея отвернулась от костра. Пожалела о том, что сейчас рассказала. Едва ли такой тайны он ждал. От стыда у нее ком застрял в горле, и она попыталась сглотнуть его.

Карл-Юхан обнял ее и притянул к себе. Прижался щекой к ее лбу:

– Я рад, что ты осталась жива, ведь я смог познакомиться с тобой.

Его подбородок царапал кожу. Мею охватил восторг.

Она чувствовала, как вибрирует его грудная клетка, когда он продолжил:

– Ты хочешь услышать одну из моих тайн?

Она кивнула.

– Пообещай не смеяться.

– Обещаю.

– Я никогда не был пьян за всю мою жизнь. Никогда не пил спиртного. Ни единой капли.

– Ого, это правда?

– На сто процентов.

Мея подняла голову и посмотрела на него.

– Ты считаешь меня сосунком?

– По-моему, это круто – идти собственной дорогой.

Солнце начало подниматься над лесом и било по глазам, но она увидела, что он улыбается.

* * *

Лелле снял пробку с бутылки «Лапройга», поднес горлышко к носу и вдохнул пары виски. Пазухи опалил резкий запах костра и соленого моря. От жажды запершило в глотке. Ему нестерпимо захотелось затуманить голову алкоголем, утопить в нем тяжелые мысли, просто поспать несколько часов. Упасть на диван и отключиться полностью... Внезапно это стало пределом мечтаний. Но солнце с укоризной смотрело на него сквозь жалюзи, а Лина стояла на пороге. Маленькая Лина, в пижаме и с растрепанными после сна волосами, с одноглазым медвежонком под мышкой. Его малышка никогда не увидит своего папу пьяным. Так он пообещал ей, когда она родилась. Он пообещал, что у нее будет отличное детство.

Пальцы плохо слушались, когда Лелле возвращал пробку на место. Все тело дрожало, когда он направился в прихожую, – слишком уж явно прошлое напомнило о себе.

Снаружи лето по-настоящему вступало в свои права, вернувшись после долгого отсутствия вместе с буйством красок, пением птиц и шелестом листьев, дразнило запахами цветов и свежескошенной травы. Раньше он и представить не мог, что когда-нибудь будет ненавидеть самое прекрасное время года. Но теперь лето напоминало ему о том счастье, которое он потерял.

Лелле сел в машину и закурил, не открывая окон. Он старался не смотреть в сторону соседей, хотя вроде и научился спокойно относиться к идиллии, царившей у других. У Стургатан он повернул налево, к центру деревни. Голова заныла немного, и ему снова захотелось хоть глоток спиртного. Чтобы успокоить нервы.

За случившимся с Линой мог стоять кто-то из близкого окружения. Во всяком случае, если верить статистике, ее Лелле внимательно изучил. Если кто-то причинил Лине зло, то, скорее всего, человек, которого она хорошо знала. Пожалуй, даже любила. Ее парень.

По сторонам узкой дороги, подобно почетному караулу, в две шеренги выстроились тонкие березки. Впереди на зеленом холме возвышалась усадьба Вестерботтен. Покрашенные красной краской стены, казалось, пылали на солнце, а окна превратились в слепящие зеркала. Лелле припарковался в конце аллеи, загасил сигарету и быстро закурил новую. Опустил стекло, но остался сидеть в машине. Мотор не стал глушить на случай, если им придет в голову наброситься на него. Такое уже случалось прежде.

Достал бинокль из бардачка и направил его на фасад, но из-за солнца не мог заглянуть внутрь. У стены стояли сложенные белые садовые стулья, в больших глиняных горшках виднелись свежесаживаемые цветы. Вроде бы не к чему придираться, но он все равно почувствовал, как начинает закипать злорадия. Кое-кому не составило труда и дальше радоваться жизни, делать вид, будто ничего не произошло.

Внезапно дверь распахнулась, он услышал вопль и увидел на лестнице высокого и худого парня в футболке, под которой выпирали ребра. Парень взял курс на Лелле, подходил все ближе, двигаясь неровной походкой; он был похож на тельца, шатающегося среди травы. В правой руке блестела банка дешевого пива.

Лелле ощутил горечь желчи во рту. Он отпустил руль. Пальцы сжались в кулак.

Парень остановился в десяти метрах от него и развел руки в стороны, как бы предлагая выяснить отношения. При этом его ноги заплелись, но он сумел устоять и какое-то время тараторил на Лелле из-под тяжелых век. Уголки его рта опустились, казалось, он хотел крикнуть что-то, но вместо этого поднял свободную руку перед собой и, сложив пальцы в форме пистолета, направил на Лелле. Прищурился одним глазом, изобразил, что прицеливается, а потом, якобы выстрелив, поднес указательный палец ко рту и подул, не спуская с Лелле сонного взгляда.

Лелле склонился на бардачок, где лежала «беретта», представил, как достает ее и отвечает настоящим выстрелом на глупую имитацию. Одна пуля прямо в лоб, и все бы закончилось. Но

он услышал протестующие крики Лины рядом с собой и нажал на педаль. Машина рванулась назад так, что гравий полетел из-под колес; потом он развернулся и помчался между березок, а пьяный парень остался позади в облаке пыли.

– *Микаэль никогда не сделал бы мне ничего плохого, папа.*

– *Ты же сама видишь, как он себя ведет.*

– *Он просто злится, поскольку ты не перестаешь подозревать его. Кому, как не тебе, знать, каково это.*

До своего исчезновения Лина год встречалась с Микаэлем Варгом. Его родители пользовались всеобщим уважением, принимали участие в работе местных общественных организаций, были членами охотничьего клуба и щедро инвестировали деньги во всяческие проекты, которые обещали сделать жизнь в поселке не такой сонной. Однако их сын оказался избалованным негодяем, терроризировавшим соседей с юных лет. Он начинал с невинных шалостей, но постепенно его проступки становились все более серьезными. Например, он садился за руль, не имея прав, и опускался до банальных краж. И все равно Анетт обожала его весь год, пока он встречался с Линой. Микаэль Варг обладал даром красноречия и к тому же был наследником прекрасных земель. О таком зяте можно только мечтать. Его выходки Анетт списывала на юношескую глупость и считала, что с годами это пройдет.

Полиция допросила Микаэля после исчезновения Лины. Тот клялся, что спал дома в то утро, когда Лина собиралась уехать, и родители, естественно, подтвердили его слова. Такого алиби хватило для полиции, и у них не нашлось ничего, чтобы копать дальше. Никаких признаков преступления. И прежде всего нет тела.

Но этого было мало для Лелле. Он решил присматривать за Микаэлем, пока не вернет свою дочь, и несколько раз в неделю ездил по чертовой березовой аллее с единственной целью показать парню, что он по-прежнему наблюдает за ним, даже если все прочие обратили взоры в другую сторону. Плевать, что там думает про него семейство Варгов, – Лелле это нисколько не волновало. Добрососедство ничего не значило для него – его интересовала только истина.

* * *

На следующую ночь они забрали ее на машине. Мея лежала одетая и ждала, когда стукнет камешек в окно. В гостиной мерцал телевизор, но дверь в комнату Торбьёрна и Силье была закрыта, храп Торбьёрна эхом отдавался от стен.

Ночь была сырой, и Карл-Юхан прятался, сидя на корточках за старым автомобилем Торбьёрна. Однако Мея сразу заметила его и испытала уже знакомое волнение. Он взял ее за руку и сказал:

– Братец ждет нас за холмом.

Конечно, ее разочаровало, что он пришел не один, но она из всех сил постаралась не показать этого.

Вместо того чтобы по тропинке направиться к озеру, они побежали по проселку, который вел к деревне. Рядом с канавой стоял красный «Вольво-240» с включенными противотуманными фарами, за рулем сидел Ёран. Он натянул капюшон на голову, чтобы спрятать прыщавые щеки, а когда Мея села на заднее сиденье, ухмыльнулся:

– Тебе лучше пристегнуться, я лихой водитель.

Он развернулся так резко, что у нее все перевернулось в желудке, и она была вынуждена схватиться за переднее сиденье, чтобы не завалиться на бок. Карл-Юхан повернулся к ней.

– Чем ты занималась сегодня? – спросил он.

– Ничем. Пыталась не умереть от скуки.

– От скуки? – Он улыбнулся. – Ну, от скуки мы тебя избавим.

Они проехали через деревню, там царили тишина и покой, а когда оказались на асфальтированной дороге, она почувствовала, как Ёран увеличил скорость, хотя держался за руль двумя пальцами.

Мея откинулась на спинку потертого сиденья, смотрела, как мимо скользят сосны, и даже не спросила, куда они, собственно, держат путь. Ее просто радовало, что она едет куда-то. Подальше от Силье.

– А чем вы занимались сегодня? – спросила она.

– Работали, – ответили братья хором.

– И что конкретно делали?

– Всего понемногу, – ответил Карл-Юхан. – Все касающееся животных и земли.

– Значит, вы крестьяне?

Они рассмеялись.

Мея наклонилась вперед между сиденьями и глазела на пустынную дорогу. Навстречу им не попало ни одного автомобиля, изредка они проезжали деревеньки, где не было видно ни души. Казалось, они были последними, кто выжил в этом мире. Если бы не присутствие Карла-Юхана, Мея бы испугалась. Но он барабанил ладонями по джинсам, и, даже не видя его лица, она знала, что он улыбается.

Первая встретившаяся им машина оказалась полицейским автомобилем, стоявшим на площадке для отдыха. Мея почувствовала, как Ёран сбросил газ.

– Черт, черт, черт!

– Успокойся, – сказал Карл-Юхан. – Он сидит там и спит.

Ёран все еще ругался, когда полицейский автомобиль остался позади. Мея обернулась, чтобы разглядеть, кто же сидит в нем, но стекла бликовали. Когда стало ясно, что их никто не собирается преследовать, Ёран ударил кулаком по приборной панели и издал победный крик.

– Что делает полиция в таком захолустье? – спросила Мея, пожав плечами.

– Интересный вопрос, – засмеялся Ёран. – Коррупцированные дьяволы, что им тут делать?

Карл-Юхан повернулся и подмигнул:

– Пожалуй, мне следует просветить тебя, что ни у кого из нас нет прав, поэтому встречи с полицией всегда немного волнительны для нас.

– Нет прав? – удивилась Мея. – А почему?

Ёран опустил капюшон, обнажив покрытые угрями щеки, и повернул зеркало заднего вида так, чтобы видеть ее лицо.

– Я вожу машину половину жизни, – буркнул он. – Почему я должен платить кучу денег государству, чтобы оно позволило мне делать это?

– У нас никогда не было машины, – вздохнула Мея.

Они приближались к какому-то городку. Широкая река разделяла его надвое. Внизу, в ложбине, виднелись коньки крыш, бросилась в глаза красная кирпичная колокольня. Ёран сбавил скорость, но все равно чуть не задавил перебежавшую дорогу кошку. Мея не стала спрашивать, где они, это не играло никакой роли. Какая-то часть ее надеялась, что ей не придется возвращаться назад.

Ёран свернул на заправку и припарковался у колонки. Карл-Юхан спросил, не хочет ли она мороженого, а когда они вылезли из машины, приобнял ее за талию. В скупо освещенном магазинчике не было ни души, за исключением молодой и красивой черноволосой продавщицы с толстой косой, покоившейся на плече. Ёран снова натянул капюшон на голову и расчесал пятерней волосы на лбу. Они выбрали себе мороженое, и он предложил заплатить за всех. Мея слышала, как брат Карла-Юхана что-то сказал стоявшей за кассой девице, та улыбнулась ему, но явно не слишком искренне.

Когда они вернулись к машине, Карл-Юхан сел на заднее сиденье с Меей. Он наклонился вперед и похлопал брата по плечу:

– Как все прошло? Ты попросил ее номер?

– Нет.

– Чего ты ждешь?

– Она не захочет дать мне свой телефон.

– Откуда тебе знать, если ты так и не спросил?

Ёран сунул мороженое в рот и, повернув ключ зажигания, запустил мотор.

– Я же вижу, – ответил он. – О девицах вроде нее я могу забыть.

Всю дорогу назад Карл-Юхан обнимал Мею. Она закрыла глаза и задремала. На переднем сиденье Ёран за все это время не проронил ни звука из-под своего капюшона.

* * *

Лелле припарковался около Мараклеппена. Убедившись, что никого рядом нет, вылез из машины. Подошел к бездонной пропасти и встал так близко к краю, что по спине пробежал холодок. Из-под ног посыпался песок. Если верить преданиям, с этого места когда-то сбрасывали в пропасть старых и немощных, тех, кто уже больше не мог вносить свой вклад в общее дело.

Он закурил и сделал еще полшага вперед. Ему нравилось ощущение опасности: лучший способ убедиться, что кровь по-прежнему бежит по сосудам. Это было важно, потому что в последнее время он чувствовал себя скорее мертвым, чем живым. Иногда его посещала мысль прыгнуть вниз, но он знал, что не сделает этого. У него другая задача – выяснить судьбу Лины.

Позади припарковался автомобиль, дверь открылась, и к вырвавшемуся наружу треску помех, характерному для полицейской рации, добавился шум тяжелых шагов по песку. Не оборачиваясь, Лелле поднял руку в знак приветствия. Он уже догадался, кто находился у него за спиной.

– Черт, Лелле, обязательно стоять так близко к краю?

Он повернул голову и посмотрел на полицейского:

– У тебя есть возможность избавиться от меня. Один толчок, и я стану не более чем дурным воспоминанием.

– Такая мысль действительно приходила мне в голову, честно скажу, – засмеялся полицейский.

Его звали Хассан, и он был другом Лелле, пусть и работал участковым инспектором. Они сблизились на почве исчезновения Лины.

Инспектор остановился в нескольких метрах от края и, глядя вдаль, положил руки на ремень. Лелле выбросил сигарету и тоже поднял взгляд. По ту сторону пропасти раскинулся черный лес. Здесь и там виднелись пятна водоемов и вырубок. На холме, напоминая о том, что человек доберется куда угодно, стояло несколько ветряков.

– Вот и снова лето наступило, – сказал Хассан.

– Да, черт побери.

– Чем ты тут занимаешься среди ночи?

– Ищу Лину.

– Тебе же известно мое мнение об этом.

Лелле улыбнулся и похлопал Хассана по плечу. Темная ткань униформы была теплой.

– При всем уважении мне глубоко наплевать, что ты думаешь на сей счет.

Хассан ухмыльнулся и причесал пальцами кучеряшки. При своих широких плечах он выглядел довольно внушительно. Лелле чувствовал себя доходягой по сравнению с ним.

– Насколько я понимаю, у вас нет ничего нового?

- Пока нет, но мы надеемся на трехлетие, может, кто-то осмелится излить душу.
- Лелле посмотрел на блестящие ботинки Хассана, затем на свои, испачканные в грязи.
- Анетт организовала факельное шествие через всю деревню.
- Я слышал об этом. Хорошее дело. Мы меньше всего хотим, чтобы люди забыли.
- Меньше всего меня волнуют люди.
- Солнце спряталось за тучами, и сразу похолодало.
- Кстати о людях, – сказал Хассан. – Ты помнишь Торбьёрна Форса?
- Того, который должен был ехать в одном автобусе с Линой в то утро? Как я мог бы забыть этого черта?
- Я видел его в торговом центре на днях. С женщиной.
- Лелле закашлялся. Он постучал себе кулаком по груди и, прищурившись, недоверчиво уставился на Хассана:
- Неужели Торбьёрн нашел себе подругу после стольких лет? Трудно поверить.
- Я просто рассказываю то, что видел.
- Только не говори, что он импортировал какую-то бедняжку из Таиланда.
- Она с юга. Молодая, значительно моложе его. Правда, выглядит слегка изможденной, но ей наверняка не больше сорока.
- Ничего себе. Как старому лису так повезло?
- Понятия не имею. И она не одна.
- Что ты имеешь в виду?
- Хассан сжал челюсти.
- Она привезла дочь с собой. Довольно взрослую девушку.
- Ты шутишь?
- Хотел бы я, чтобы это было так.

* * *

Из-за хриплого голоса человек, который не видел, а только слышал Силье, решил бы, что она очень старая или серьезно больна. Мея смотрела на мать прищурившись, когда та наливала вино дрожащей рукой. Явно не первый бокал, судя по тяжелым векам и заплетавшемуся языку. Даже если Торбьёрн заметил это, он ничего не сказал, во всяком случае, в присутствии Меи. Он только посмотрел на нее своими добрыми глазами и спросил:

– Ты много болтаешься где-то, Мея. Тебе удалось познакомиться с кем-то из деревенских?

Силье вытянула руку и погладила ее по голове:

– Мея ужасно независимая, у нее не бывает много друзей.

– Да так, познакомилась кое с кем. С одним парнем.

Силье медленно повернула голову. Ее затуманенные глаза заблестели от любопытства.

– Вот как! И кто он?

– Его зовут Карл-Юхан. Мы случайно встретились на озере.

– *Карл-Юхан*, его действительно так зовут?

Мея сделала вид, что не услышала вопрос. Она смотрела на Торбьёрна, который сунул указательный палец за губу, выловил оттуда снос и отправил в выскобленную тарелку.

– Его имя мне ничего не говорит, – сказал он. – Откуда этот парень?

– Из Свартшё.

– Из Свартшё!

Желто-коричневая слюна дождем окропила фарфор.

– Ты шутишь? Неужели один из парней Биргера Брандта?

Мея почувствовала, как у нее похолодело в груди.

– Ну да.

Торбьёрн довольно долго молчал, прежде чем выдать:

– Наверное, не мне судить, поскольку люди считают меня деревенским дурачком. Но Биргер и его жена настоящие оригиналы.

– Почему это?

Из легких Торбьёрна вырвался звук, похожий на тихий свист.

– Они создали некое подобие коммуны у себя. Хиппи не хиппи... Живут, как в девятнадцатом веке. Им, похоже, не по нраву современные технологии. Биргер не хотел, чтобы его сыновья ходили в обычную школу, и разразился ужасный скандал, насколько мне помнится. Он решил учить их дома, но муниципалитет был против.

– Они верующие? – спросила Силье.

– Черт его знает, но меня бы это не удивило.

Силье допила остатки вина и показала пустым бокалом на Мею:

– Ты не могла бы пригласить его к нам, чтобы мы могли на него поглядеть?

– Об этом можешь забыть.

– Ну же, пригласи его.

Мея повернула взгляд в сторону леса, где солнечный свет упрямо боролся с тенью. В воздухе в едином хороводе кружились тучи семян от одуванчиков и полчища комаров. Со своего места она могла видеть поляну, где они стояли на рассвете, после того как Ёран высадил их. И ей показалось, что головокружительное ощущение, возникшее, когда их губы встретились, вернулось.

* * *

Теперь Лелле направился по Серебряной дороге в южном направлении. Пока солнце пряталось за лесом, успел миновать Йерн и Болиден. Он особо не гнал и предусмотрительно сбрасывал скорость задолго до того, как видел камеры контроля. В Шеллефтео остановился заправиться и купил сигареты у ночной продавщицы, оторвав ее от телефона. В магазинчик заскочил водитель фуры в бейсболке с длинным козырьком, налил себе две большие чашки кофе из автомата. За окном магазинчика царили мягкие сумерки, окрашивая все вокруг голубым цветом, и Лелле подумал о море. Он сел в машину, закурил и попытался направить мысли в другом направлении, но, когда завел мотор, уже знал, что на перекрестке руки сами повернут руль налево, навстречу воспоминаниям.

Неловко стравивая пепел за окно, он проезжал погруженные в сон усадьбы, загоны для скота, черные ленты лесов. Чувствовал, как постепенно воздух становится все солонее, и наконец увидел море. Солнце начало пробиваться сквозь тучи, небо просветлело. Лелле припарковался, вышел и вдоль заросшего кустами каменистого берега направился к тому месту, где когда-то стоял его дом. Сейчас от него и досочки не осталось, но ему все же удалось различить контуры фундамента под травой. Он стоял какое-то время и курил, чувствуя, как становится все труднее дышать и как сердце неистово бьется в груди.

В этом доме он провел свое детство. Здесь его отец умер от пьянства, и он часто сидел вечерами в одиночестве, пока мама работала. Ему было семь-восемь лет, когда он начал допивать из горлышка капли, оставшиеся после отца. Он быстро научился различать крепкие и слабые алкогольные напитки по одному только запаху, потом попробовал и самогон, и водку. Лет в десять впервые напился пьяным. На следующее утро проснулся и обнаружил блевотину рядом с кроватью, но не помнил, как его рвало. Мать конечно же замечала, что от него все чаще пахнет спиртным, но так ничего не сказала ни ему, ни отцу – отец тогда еще был жив. На алкоголь не следовало обращать внимание, это было главное правило, действовавшее в их семье.

Лина никогда не видела, как он пил, и слава богу. Эту часть своей жизни он похоронил здесь, у моря. Она никогда не видела дом, где он рос, и никогда не встречалась с бабушкой. Лелле солгал, что его мать умерла, а то, что отца давно уже нет, это было правдой. Став старше, Лина, естественно, стала задавать вопросы о его детстве, о родителях, но он всегда старался уйти от ответа, пообещав себе, что уж его-то ребенок никогда не будет без должного внимания из-за того, что взрослые увлекаются алкоголем... Он поклялся себе в этом, но все равно потерпел крах. Остался у разбитого корыта.

Лелле спустился к берегу, который когда-то считал своим, нашел плоский гольш и пустил его прыгать по волнам с такой силой, словно был зол на море, словно оно было причиной всех его бед. Запах соли вызывал у него тошноту, и, чтобы избавиться от него, он потом еще долго сидел и курил в машине. Ему снова ужасно захотелось выпить, но он прогнал эту мысль, развернулся и поехал назад.

Он уже почти добрался до дома, когда внезапно как из ведра хлынул дождь. Пришлось остановиться, поскольку дворники не справлялись с потоками воды. Курил и слушал, как ливень барабанит по крыше.

На Лине были синие джинсы и белая футболка с длинными рукавами в тот день, когда она исчезла. То есть ничего, что могло бы защитить от непогоды. В первые дни после ее исчезновения он сильно беспокоился, что лето еще только начиналось, а у нее нет нормальной одежды, что она замерзнет или промокнет или что ее искусают комары. Об угрозе со стороны людей он и думать не хотел.

Позади него на площадке для отдыха остановилась машина. Он видел свет противотуманных фар, пробивавший стену дождя, но не мог рассмотреть водителя. Непогода неистовствовала, ветер прижимал ели к оградительной сетке, тянувшейся по обеим сторонам от дороги.

«Хорошо еще, что я сижу в железной банке», – подумал Лелле с благодарностью, и в этот момент по окну постучали. Он вздрогнул от неожиданности и выронил сигарету; упав, она прожгла еще одну дырку в коврике. Запах жженой пластмассы наполнил салон.

Лицо стучавшего закрывал капюшон; опустив стекло, Лелле увидел, что это пожилой мужчина со впалыми щеками.

– Я не собирался тебя напугать, – сказал незнакомец. – Мне просто хотелось узнать, нельзя ли одолжить твой телефон на минутку? У моего сдох аккумулятор. – Серые пряди прилипли ко лбу, ручейки воды стекали по бровям и дальше вдоль носа.

Лелле склонился на свой лежавший в держателе для термоса мобильник.

– Ты можешь сесть ко мне и разговаривать, – сказал он и кивнул на пассажирское сиденье. – Я не хочу, чтобы мой телефон промок.

Мужчина быстро обошел автомобиль и проскользнул в салон. С его одежды капала вода, над ним за клубилось облачко пара.

Лелле вылез наружу, пока мужчина набирал номер. Ноги затекли от долгого сидения, и он решил пройтись немного, чтобы размяться. Обошел чужой «вольво» и, прищурившись, как бы ненароком заглянул внутрь. Мужчина оставил дворники включенными, и они металась из стороны в сторону по мокрому стеклу. В салоне горел свет, и Лелле смог разглядеть чашку с кофе в держателе. На застеленном черным брезентом заднем сиденье валялся всякий хлам: обертки от конфет, рыболовная леска, пустые пивные банки, ножовка, моток изолянта... На переднем сиденье лежало что-то белое. Футболка? Сквозь конденсат, осевший на стекле, он рассмотрел контуры лица своей дочери. Ниже была надпись: «Ты видел меня? Позвони 112». Да, точно... Одна из футболок, которые все эти годы заказывал и раздавала Анетт.

Кто этот мужчина? Он едет из Глиммерстреска?

Голова гудела от волнения, когда он вернулся к своей машине. Незнакомец вышел и протянул ему телефон:

– Спасибо за помощь. Извини, что так получилось. Я не хотел выгонять тебя на улицу в такую дождину.

– Да ладно, – кивнул Лелле. – Мне все равно требовалось размяться.

У мужчины не хватало одного зуба спереди, и, когда он улыбался, язык выглядывал через брешь.

– Ну и погодка, – сказал он. – Пришлось позвонить моей старухе, сообщить, где я. Иначе она бы сошла с ума.

– Твой дом далеко отсюда?

– Я живу в Хедберге... неблизко.

– Тебе надо ехать осторожно. – Лелле вытер лицо рукавом куртки.

– Тебе тоже.

Мужчина потрусил к своей машине. Проводив его взглядом, Лелле достал пистолет из бардачка и вбил в мобильник регистрационный номер автомобиля незнакомца вместе с описанием его внешности.

Мужчина, 50–60, 175–180, нормального телосложения, не хватает переднего зуба. Хедберг.

Автомобильные часы показывали 04:30. Неужели жена шербатого господина в такое время не спит? Лелле это показалось маловероятным. «Вольво» на площадке все еще стоял, и свет в салоне горел. Через зеркало Лелле увидел, что мужчина спокойно откинулся на спинку сиденья. Расстояние не позволяло рассмотреть, открыты у него глаза или нет. Похоже, не торопится... Или выжидает, пока он уедет?

Лелле снова взялся за мобильник. Хассан ответил на втором сигнале, несмотря на ранний час:

– Что опять?

– У меня есть регистрационный номер машины, которую ты должен проверить.

* * *

Торбьёрн настоял, что он приготовит для нее завтрак. Как только Мея спустилась из своей комнаты, его лицо озарила улыбка. Он предложил ей сесть за обшарпанный кухонный стол, а сам, включив радио, встал к плите. Он пытался заставить Силье составить им компанию, но в итоге сдался. Она не любила подниматься рано. Мея не помнила, чтобы они с матерью когда-либо завтракали вместе.

Торбьёрн сварил кофе в медной турке и выложил на стол больше еды, чем они могли съесть вдвоем: простоквашу, овсяные хлопья, яйца всмятку, батон, два сорта сыра, ветчину и какое-то темное мясо, которое Мея сначала проигнорировала, несмотря на все увещевания.

– Ты должна попробовать, девочка! Это копченая оленина, таких замечательных вещей у вас на юге нет.

В конце концов она уступила, отрезала себе кусочек и положила на язык. Постаралась не думать о том, что ест. Соленый, резкий и незнакомый вкус распространился во рту. Чтобы не обижать Торбьёрна, она сделала восторженную мину.

Он рассмеялся, и она увидела, что у него не хватает многих зубов. Вдобавок крошки цеплялись к усам, когда он откусывал булку. Но его вид не вызывал у нее ни малейшего раздражения.

Торбьёрн смотрел на нее как-то странно. Как будто смущался, как будто хотел поговорить о чем-то, но не решался.

– Твоя мама любит поспать.

– Она может проваляться в кровати весь день.

– Жаль, что она пропускает завтрак, это лучшая трапеза за весь день.

На нем была грязно-серая майка, и Мея чувствовала запах немытого тела, как только он начинал двигаться. И как справляется с этой проблемой Силье? Может, старается не дышать, когда лежит рядом с ним? Закрывает глаза и думает о лесе?

Торбьёрн вытер руки о брюки и провел тыльной стороной ладони по засеянным крошками усам:

– Моя матушка сейчас лежит в своем гробу и ухмыляется, Мея. В этом я точно могу поклясться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.